

Геннадий Дорогов

*Глубина
резкости*

роман

Геннадий Дорогов

Глубина резкости. Роман

«Издательские решения»

Дорогов Г. Н.

Глубина резкости. Роман / Г. Н. Дорогов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-597993-3

Одарённый фотограф занимается любимым делом. Но его скромные доходы позволяют молодой семье едва сводить концы с концами. Однажды он получает заманчивое предложение. Уровень жизни резко возрастает. Однако жизнь главного героя меняется отнюдь не в лучшую сторону.

ISBN 978-5-00-597993-3

© Дорогов Г. Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Печенюшки	6
1. Выставка	6
2. Предыстория	12
3. Студия	18
4. Прошлое и настоящее	24
5. Семена сомнений	29
Глава 2. Раздвинутые горизонты	35
1. Острые ощущения	35
2. Слякоть	41
3. Трещины	49
4. Захолустье	55
5. Сюрпризы	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Глубина резкости

Роман

Геннадий Николаевич Дорогов

© Геннадий Николаевич Дорогов, 2023

ISBN 978-5-0059-7993-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Печенюшки

1. Выставка

К выставочному павильону, над фронтоном которого крупными буквами красовалось название «Галерея», неспешно стекались ценители прекрасного. Они подходили поодиночке, парами и небольшими группами и стояли в трепетном ожидании торжественного момента открытия выставки. Впрочем, среди этой утончённой публики можно было увидеть и лица, не отмеченные печатью высокой одухотворённости. Кое-кто пришёл из банального любопытства, а кто-то попросту не нашёл себе другого занятия. Хорошая реклама и тёплый июньский и, к тому же, воскресный день способствовали зарождению интереса к предстоящему мероприятию. Как бы там ни было, но ко времени открытия выставки перед павильоном собралось приличное количество людей.

По обе стороны невысокого крыльца, сверкая на солнце хромированными поверхностями, стояли две изящные стойки с натянутой между ними красной лентой. На фоне парадного входа с вышеупомянутыми стойками и лентой расположилась молодая, но очень серьёзная журналистка с микрофоном в руке. Слегка отгеснив собравшихся, напротив журналистки оператор установил штатив с большой телекамерой. Теперь он занимался настройкой видеоаппаратуры.

– Готово, – сообщил он, закончив подготовительные работы.

– Начали! – скомандовала девушка, и тут же её строгое лицо озарилось светлой улыбкой. – Дорогие телезрители! – мягко прошептала она. – Буквально через пару минут мы с вами станем свидетелями рождения новой знаменитости в области искусства. Сегодня в этом красивом современном здании состоится выставка работ талантливого фотографа, настоящего мастера своего дела Артёма Александровича Окунева. Пока ещё нас от его шедевров отделяет красная лента. Но скоро это препятствие будет устранено. И мы вместе со всеми собравшимися здесь ценителями прекрасного войдём в храм искусства, чтобы показать вам, какие чудеса способен творить фотоаппарат в руках настоящего художника.

Чуть в стороне от собравшихся, негромко беседуя, стояли двое мужчин: организатор выставки Павел Меллер и автор выставленных работ фотограф Артём Окунев. Меллер, высокий и немного грузный блондин с полноватым лицом и хитрым острым взглядом, выглядел лет на сорок. Артём казался моложе на десяток лет. Такого же, как и Павел, роста, но стройный и красивый молодой мужчина как магнит притягивал к себе взгляды присутствующих.

Павел легонько толкнул Артёма локтем в бок.

– Волнуешься? – спросил он с ухмылкой.

Окунев неопределённо пожал плечами.

– Вроде бы нет. А надо?

– Нет, не надо, – тут же отреагировал Меллер. – Публика любит спокойных и уверенных.

– А я как раз именно такой – спокойный и уверенный.

– Молодец! И в самом деле, чего тебе волноваться? Народ только глянет на твои работы – и обалдеет. Да и сам ты у нас красавчик – хоть картину с тебя пиши. Так что бурный успех нам гарантирован, – Павел взглянул в сторону крыльца. – Ну всё, Тёма, пора начинать. Журналисты закончили свои дела.

Меллер подошёл к парадному входу, повернулся к собравшимся.

– Дорогие друзья! Для начала позвольте представиться. Я организатор этой выставки и, по совместительству, друг нашей восходящей звезды Павел Альбертович Меллер, – сказал он, приветливо улыбаясь. – Я буду краток, поскольку не вижу необходимости здесь и сейчас

рассказывать о мастерстве и таланте моего протеже Артёма Окунева. Вы всё увидите сами. Мне лишь остаётся пожелать вам приятных впечатлений и огромного эстетического наслаждения. Напоминаю: вход свободный для всех желающих. А сейчас наш герой разрежет ленту, и вы сами сможете по достоинству оценить качество его работ, – он повернулся в сторону фотографа и широким жестом пригласил его. – Артём, прошу!

Окунев подошёл, держа в руке ножницы. Концы разрезанной ленты упали к основаниям стоек, и народ чинно направился в распахнутые двери. В просторном помещении было светло. Кроме солнечных лучей, проникающих в окна, оно освещалось грамотно расположенными лампами, заливавшими пространство ярким, но мягким светом. Люди бродили вдоль стен и стендов, заполненных крупными фотографиями, многие из которых были отпечатаны на холстах и помещены в рамы, словно картины художников. Всё, что было представлено к показу, приковывало к себе взгляд, очаровывало и восхищало – будь то пейзажи, персональные или групповые портреты, художественные композиции или ситуационные снимки. К бездушному взгляду фотообъектива прилагались человеческая смекалка, изобретательность и безмерная любовь к своему делу. И конечно же, было ещё то, что принято называть божьим даром. Журналистка непрерывно что-то говорила в микрофон, переходя от картины к картине. Рядом крутился оператор с камерой, ведя видеосъёмку с разных ракурсов.

Окунев и Меллер стояли в сторонке, внимательно наблюдая за публикой и наслаждаясь производимым эффектом. Павел легонько хлопнул Артёма по спине.

– Давай-ка, Тёмка, прогуляйся по галерее. Наверняка, многие захотят поговорить с тобой, о чём-то спросить или поделиться впечатлениями. Пообщайся с гостями. Люди это ценят. Только панибратства не допускай и откровенничай в меру. Держи вежливую дистанцию. Ты вроде бы здесь, с народом – только руку протяни; и в то же время не здесь, а где-то там, на облаке, в ореоле божественного света.

Эта тирада вызвала на лице Артёма ироническую улыбку.

– Да ты просто поэт! – сказал он с ехидцей. – Понял, шеф! Разрешите приступить к исполнению!

– Приступай, – разрешил Павел. – А я пока постою, понаблюдаю. В нужный момент подключусь.

Артём неспешно двинулся в гущу посетителей. И действительно, к нему стали обращаться с вопросами, говорить о своих впечатлениях, выражать восторги. Он охотно принимал похвалу, что-то рассказывал о себе, больше напуская тумана, нежели давая исчерпывающие ответы. Особенно бурный интерес к автору представленных работ проявляли женщины, время от времени беря его в кольцо и выплёскивая бурные эмоции. Артём уделял им необходимую порцию внимания, затем, включив на полную мощность своё обаяние, мягко и без потерь выходил из окружения.

Молодая журналистка и оператор также не оставили его без внимания. На фоне одной из своих работ и собравшихся под ней зрителей Артём дал для телевидения короткое интервью, после чего продолжил общение с народом.

Вскоре его внимание привлекла молодая женщина, с трепетным интересом разглядывающая снимок, возле которого, кроме неё, никто не задерживался. Эту фотографию Артём даже не планировал выставлять на показе. Так, на всякий случай попросил Пашу отпечатать. Потом на одном из стендов обнаружилось свободное место, и её там разместили. На снимке был запечатлён заяц, случайно подвернувшийся фотографу во время выезда на природу. Чем он мог так привлечь внимание посетительницы, было совершенно непонятно. Нет, это было бы понятно, если бы картина вызвала такой интерес у школьницы младших классов. Однако перед фотоснимком стояла пусть молодая, но вполне зрелая женщина.

Окунев подошёл к незнакомке.

– Позвольте полюбопытствовать, чем вас так приворожило одно из самых скромных моих творений? – спросил он.

Женщина повернула к нему лицо с блестящими от волнения глазами.

– Оно гениально! – воскликнула она. – Вы сказали: одно из самых скромных? Да, на первый взгляд, всё здесь действительно просто и скромно. Но если внимательно приглядеться, то открывается потрясающая глубина сюжета.

Артём стал демонстративно вглядываться в фотографию.

– Х-м, заяц... Ну, ещё травка зеленеет, солнышко блестит... – озадаченно пробормотал он. – А в чём тут гениальность?

На лице незнакомки отразилось крайнее удивление.

– Как, вы создали шедевр и сами того не сознаёте?

Он пожал плечами.

– Растолкуйте мне.

Женщина ненадолго задумалась. Потом стала объяснять:

– Вот, посмотрите: заяц слегка приподнялся на задних лапах и тревожно вглядывается и вслушивается в окружающее пространство. Это пространство таит в себе множество опасностей. Он это чувствует, но не понимает, что и откуда ему грозит. Ситуация здесь явно не в пользу зайца. Он на снимке выделен чётко, он на виду. А вот пространство вокруг него замутнено. И чем дальше оно расположено от зайца, тем труднее что-либо разглядеть.

– Да уж... – озадаченно произнёс Артём. – Даже не знаю, что на это сказать. В целом мне ваша мысль понятна, но... не более того.

– И что вам стало понятно?

– Ну, вы же сами сказали: ситуация сложилась не в пользу зайца. Стало быть, зайчика надо пожалеть. Я вас правильно понял?

Женщина пристально посмотрела Артёму в глаза.

– Мне кажется, что вы ёрничаете, – сказала она.

– Самую малость, – признался он. – А теперь скажу серьёзно: вы сумели разглядеть на снимке то, чего нет на самом деле. Заяц, скорее всего, приглядывался, что ещё поблизости можно слопать. Просто я добавил к сюжету несколько авторских штрихов, а вы в своём воображении дорисовали картину.

– Я не понимаю: это же фотография, а не рисунок. Что вы могли сюда добавить?

Окунев посмотрел на неё с мягкой, добродушной улыбкой.

– Идёмте со мной, – сказал он и направился к портрету, возле которого толпилось немало посетителей.

На портрете в пол-оборота была запечатлена красивая женщина в белом одеянии. Выразительный взгляд, загадочная улыбка и что-то ещё в лице – неясное, неразгаданное, неуловимое – привораживали зрителей к картине. За спиной красавицы белели полупрозрачные крылья.

Подойдя настолько, насколько это было возможно, Артём спросил свою спутницу:

– Что вы скажете об этой фотографии?

Женщина завороченно смотрела на портрет.

– Ну что тут сказать? – взволнованно пробормотала она. – Это просто чудо! У меня такое впечатление, что вы сфотографировали настоящего ангела. Поразительно: где вам удаётся находить такие чудесные лица?

Артём торжествующе засмеялся.

– Вот вы и попались! А теперь слушайте горькую правду. Если вы встретите эту красотку на улице, то ни за что её не узнаете. В реальной жизни она глупа, груба, цинична и вульгарна. В разговоре без жаргона не может связать двух слов. Ангельского в ней нет ни крохи. Сплошное инферно. Я вас не очень разочаровал?

Женщина заметно погрузнела и сникла.

– Очень, – сказала упавшим голосом. – Даже слишком, – она тяжело вздохнула. – Лучше бы вы мне этого не говорили.

– Простите. Не думал, что вы так расстроитесь.

– Но коли вы способны творить такие чудеса, как вам это удаётся? Или это ваши профессиональные секреты?

Окунев утвердительно кивнул.

– Да, есть профессиональные секреты. И у каждого профессионала есть свои персональные секреты. Ну и, конечно же, необходимо выполнить ряд требований, известных любому мало-мальски грамотному фотографу: найти выгодный ракурс, правильно направить свет, ещё кое-какие мелочи. С моделью тоже приходится изрядно повозиться. Как, например, с этой. Потом немного компьютерной обработки – и шедевр готов. К зайцу это, разумеется, не имеет никакого отношения. Там главным фактором явилась глубина резкости.

– Что это такое? – спросила незнакомка.

– Как раз то, что сделало зайца заметным и беззащитным среди замутнённого пространства. Если бы я изобразил резкой всю перспективу, вряд ли бы этот снимок произвёл на вас впечатление. Вы бы и сами решили, что заяц просто проголодался.

– А глубину резкости установить сложно?

– Вообще нет. Не скрою, есть в данном отношении кое-какие профессиональные тонкости. Однако в большинстве случаев достаточно установки всего двух значений: фокусного расстояния и диафрагмы. Тут главное – соблюсти чувство меры. Понятно, что для подобной съёмки требуется более-менее приличный фотоаппарат. Примитивной «мыльницей» или смартфоном такой снимок не сделаешь.

Женщина покачала головой, глядя на портрет с задумчивой улыбкой.

– Вот уж не думала, что такое возможно. Не зря вас назвали художником.

Артём с интересом приглядывался к собеседнице. Не из красавиц вовсе, однако и неприятным её лицо не назовёшь. Самая обычная внешность. Таких вокруг пруд пруди. В конце концов, почему бы не попробовать?

– Хотите, я сделаю ваш портрет? – предложил он. – Просто так, в качестве подарка.

– Зачем? – удивилась она. – Что во мне такого? Я вполне обыкновенная.

– Станете необыкновенной. Я же художник. Изобразю вас так, что вы сами себя с трудом узнаете.

Женщина вдруг резко тряхнула головой.

– Нет, не нужно. Я предпочитаю выглядеть такой, какая есть на самом деле. Спасибо, что уделили мне время!

Она повернулась и ушла. Артём озадаченно смотрел ей вслед.

* * *

Видимо, наступил тот самый «нужный» момент, о котором говорил Меллер. Павел вышел на середину и зычно объявил:

– Дамы и господа! Прошу внимания!

Гул голосов плавно затих. Посетители повернулись в сторону оратора. Дождавшись тишины, Меллер продолжил речь:

– Сегодня вы получили возможность прикоснуться к прекрасному. Я видел, с каким наслаждением и восторгом вы разглядывали работы моего друга Артёма Окунева. Я уверен, что скоро его имя займёт достойное место в ряду самых известных фотомастеров мира, а работы будут раскупаться мгновенно и за большие деньги. Но сегодня у Артёма праздник – открытие первой персональной выставки. И мы с моим другом от всей души желаем, чтобы

и для вас, дорогие гости, этот день стал праздником. В связи с этим у всех присутствующих есть уникальная возможность приобрести полотна по невысокой, вполне доступной цене. Каждый экспонат пронумерован. Записывайте номера полюбоившихся вам работ и подходите к столику в конце павильона. Очаровательная девушка Нина быстро оформит заказ, который вам доставят на дом в кратчайший срок.

– Скажите пожалуйста, если выставленный образец отпечатан на бумаге, могу ли я заказать точно такой же, но на холсте? – спросил пожилой мужчина в очках.

– Все пожелания будут учтены, – заверил Меллер. – Нина внимательно выслушает каждого покупателя, ответит на все вопросы и, при необходимости, даст ценный совет. Приятных приобретений, господа!

В конце павильона к тому времени уже выставили стол с ноутбуком, за которым грациозно восседала привлекательная девушка Нина. К удивлению Артёма, приобрести его работы пожелало подавляющее большинство присутствующих. К столу выстроилась длинная очередь, чего, похоже, не ожидал и сам Павел. По выражению его лица было видно, что он приятно удивлён. Тем временем подходили новые посетители. Артём уделял им всё ту же порцию внимания. Пожелав приятного просмотра, переходил к другим гостям. Затем к делу подключался Павел. Мягко и ненавязчиво он сообщал вновь прибывшим о возможности недорого приобрести понравившиеся работы. И очередь за фотокартинами Артёма Окунева вновь пополнялась.

Так продолжалась до вечера.

– Пойдём, посидим в моей машине, – предложил Павел Артёму, когда мероприятие закончилось.

Они прошли к стоянке, где их дожидался внушительных размеров чёрный джип «Мерседес». Меллер занял водительское место. Артём расположился рядом.

– Устал? – спросил Павел.

– Есть немного, – признался фотограф. – Чувствуется эмоциональный перегруз.

– Ничего, Тёма, это приятная усталость. Главное, что день сегодня прошёл удачно. Ты просто покорила публику.

Окунев довольно улыбнулся. Несмотря на утомление и переизбыток эмоций, его душа ликovala.

– Я, честно говоря, опешил, когда увидел такую очередь за моими снимками, – сказал он, не скрывая радости. – Даже если часть покупателей передумает, всё равно сумма должна быть приличной.

Меллер ответил не сразу. Выдержав паузу, он повернулся к собеседнику и спокойно сказал:

– Сумма будет вполне приличной. И всё же, дружище, это семечки по сравнению с тем, что нас ожидает впереди. Не буду тебе разжёвывать, в чём главный успех выставки. Ты не дурак, сам всё понимаешь. Сегодня мы с тобой, образно говоря, из любительской спортивной категории перешли в профессиональную. Теперь наша задача не только быстро бежать, но и как можно дольше не сходить с дистанции. Эх, Тёма-Тёма, если бы ты знал, какие грандиозные планы крутятся в моей голове!

– Поделись.

– Поделюсь, конечно, но попозже. А сейчас давай-ка поезжай домой и хорошенько выспись. Завтра появишься в студии к двум часам дня. Там и обсудим все наши планы и перспективы. Ну, будь здоров!

Они пожали друг другу руки. Артём выбрался из салона «Мерседеса» и направился к своему серебристому «Лансеру». Всю дорогу домой он часто зевал, мечтая лишь об одном: поскорее добраться до кровати. Однако, стоило ему только забраться в постель, как сон тут же поки-

нул его. До глубокой ночи Артём сверлил глазами потолок, размышляя о внезапных поворотах в своей жизни – приятных, не очень приятных, а также совсем неприятных.

Эти повороты начались со знакомства с Пашей Меллером. Ловкий делец со звериным чутьём однажды в интернете увидел фотоснимки никому не известного фотографа, в котором безошибочно почувствовал недюжинный скрытый потенциал. Не теряя времени, Меллер вышел на связь с Окуневым, и вскоре они встретились. Павел предложил сотрудничество. Артём согласился, поскольку условия, предложенные Павлом, его вполне устроили. Фотографу отводилась исключительно творческая часть их совместной деятельности, в то время как Паша брал на себя все организационные и финансовые вопросы.

Если прежде тематика работ Артёма была пёстрой и разнообразной, то отныне главной темой фотоснимков стали художественные портреты женщин. Уже первые пробы привели Меллера в восторг. Но самого Артёма они не вполне устраивали. И он принялся экспериментировать, совершенствуя своё мастерство. Работать с молодыми красавицами, которых для позирования находил всё тот же Паша, было и приятно, и полезно. Сделав снимки и обработав их должным образом, Окунев отдавал Меллеру результаты своих трудов в электронном виде. Кому и каким образом их реализовывал Паша, ему было неизвестно, да и, честно говоря, неинтересно. Главное, что Паша хорошо платил. А соблазн закрутить романчик с той или иной красоткой рисовал в воображении пикантные картинки. И очень скоро эти сладкие фантазии стали воплощаться в реальность. Редкие поначалу приключения становились всё более частыми. Как известно, аппетит приходит во время еды.

И вот тут-то к приятным переменам стали примешиваться два других типа перемен.

2. Предыстория

Фотографией Окунев увлёкся в раннем возрасте, когда ещё съёмка производилась на светочувствительную плёнку. Отец отдал Артёму свой старый ФЭД, но, впечатлённый первыми результатами сына, вскоре подарил ему новенький «Зенит-ЕТ».

В родном городе Иркутске Артём практически не расставался с фотоаппаратом. Он бродил по улицам, выглядывая интересные сюжеты городской жизни, выезжал на природу в поисках красивых мест, снимал портреты родственников, друзей, знакомых. Порой было сложно и даже невозможно объяснить, чем его снимки так кардинально отличались от снимков других фотографов, чем приковывали внимание, очаровывали, завораживали. Не имея специальных теоретических знаний, он действовал, полностью полагаясь на интуицию. А потом подолгу корпел, проявляя плёнку и отпечатывая снимки.

Вскоре чёрно-белая фотография перестала его устраивать. Артём взялся за цветное фото. Однако это занятие оказалось очень хлопотным и требовало строгого соблюдения режимов обработки, чему не вполне соответствовали домашние условия. К счастью, тогда в городе уже стали открываться фотосалоны, оснащённые импортным оборудованием для цветной печати.

В 18 лет его призвали в армию. Отслужив положенный год, Артём вернулся домой. К тому времени цифровая техника уже по всем фронтам теснила старую традиционную. Родители к возвращению сына из армии приготовили ему подарок: зеркальный фотоаппарат «Nikon D3100». Александр Михайлович, отец демобилизованного армейца, чётко уловил вкусы сына и не ошибся. Аппарат относился к разряду любительских, но позволял делать снимки вполне приличного качества. И ещё Артёму очень нравился его внешний вид, а это обстоятельство он считал немаловажным. Камера должна не только позволять делать красивые снимки, но и сама выглядеть красиво.

Артём принялся за дело. За месяц положенного ему отдыха он наснимал огромное количество фотографий. Новый фотоаппарат стал его постоянным спутником. Все друзья-приятели и подружки были запечатлены его «Никоном». Особенно приятно было снимать девушек. Они охотно позировали, а потом, увидев результаты, выражали бурный восторг. Высокий красавец Тёма Окунев всегда пользовался повышенным вниманием со стороны девчонок, а необыкновенный талант фотографа сделал его местной звездой.

Не удивительно, что и работу он себе выбрал, связанную с фотографией. Прихватив с собой небольшую стопку своих трудов, отпечатанных на струйном принтере, Окунев наведёлся в редакцию областной газеты. Его сразу взяли. Вместе с журналистами Артём разъезжал по заданию редакции, запечатлевая встречи, юбилеи и другие значимые события. Опыт работы в газете оказался полезным в плане умения общаться с людьми и налаживать добрые отношения. Но творческой натуре Артёма там скоро стало тесно и неудобно. Ему было не интересно запечатлеть чьи-то праздники или будни. Хотелось создавать такие картины, от которых бы захватывало дух. Поэтому, отработав в газете менее двух лет, он стал искать другое место для приложения своих творческих способностей.

Поиски привели его в редакцию глянцевого журнала «Чародей». Главный редактор Борис Иванович Жолобов сразу оценил способности молодого человека и принял на должность фотографа. Так Артём стал третьим мужчиной в коллективе после главреда и ещё одного фотографа Максима Залесова. Все остальные сотрудники были женщины. Вопреки опасениям новенького, Максим воспринял его не как соперника, а как коллегу и товарища. Они быстро нашли общий язык и даже подружились. Однако, оглядев фотоаппарат Артёма, Максим сообщил, что такая любительская техника вряд ли устроит главреда. Недостаточное число мегапикселей матрицы, а также объектив, ограниченный средним фокусом, значительно снижали возмож-

ности для получения снимков высокого качества. Талант талантом, а возможности техники тоже следовало учитывать.

– Я бы посоветовал тебе приобрести такой, как у меня, – Максим показал Окуневу свой «Canon 750 D». – Камера полупрофессиональная, широкий фокусный диапазон объектива плюс приемлемая цена – в районе сороковника. Бери – не прогадаешь.

– Я подумаю, – уклончиво ответил Артём.

– Да чего думать-то? – удивлённо спросил Залесов. – Здесь всё сбалансированно. Как говорится, идеальное соотношение цены и качества. Что тебя смущает?

– Внешний вид.

– Чего?!

– Понимаешь, – стал объяснять Артём, – для меня важно, чтобы техника своим видом вызывала удовольствие. И в этом отношении «Никоны» мне нравятся больше.

Максим озадаченно покачал головой.

– Зачем ты мне это сказал? – шутливо проворчал он. – Теперь я буду думать о том, что у меня некрасивый фотоаппарат.

Опытный коллега по работе оказался прав. Очень скоро главный редактор журнала подзвал Артёма и предложил ему подумать о смене фотокамеры. Он так и сказал: талант фотографа Окунева не вмещается в матрицу его фотоаппарата. И Артём приступил к поискам. Промотрив в интернете множество вариантов, сравнив их характеристики, стоимость и внешний вид, он пришёл к выводу, что «Nikon D5300» его вполне устроит. По техническим данным и цене аппарат практически не уступал «Кэнону» Максима, а по красоте превосходил даже своего предшественника. Денег на покупку фотокамеры стоимостью почти полсотни тысяч рублей у Окунева не имелось. Кроме того, продавать подарок родителей он не хотел – решил оставить его отцу, который когда-то тоже увлекался фотографией. И всё же Артём отправился в специализированный магазин в надежде, что вопрос так или иначе будет решён. Так и случилось: фотоаппарат удалось приобрести в рассрочку.

Отныне претензий к качеству снимков со стороны начальства не было. Фотографии, сделанные новым сотрудником, помещались на первых страницах журнала. Пейзажи, портреты, художественные композиции – это было как раз то, чем Артём всегда хотел заниматься. Правда, в новом аппарате имелись дополнительные функции, с которыми ему пришлось разбираться. Это обстоятельство подвело его к мысли о необходимости повышения своего технического уровня. Каким бы исключительным ни был талант, а теоретическая подготовка ещё никому не повредила. Свободное время Окунев стал посвящать изучению профессиональных тонкостей.

С коллегами по работе также повезло. Коллектив редакции оказался на редкость дружным и неконфликтным. Иногда подшучивали друг над другом, но абсолютно беззлобно и безобидно. Так, например, острая на язык верстальщик Ольга Павлова за приверженность к одной марке фотоаппаратов присвоила Окуневу церковный сан: Патриарх Никон. В общем, на этой работе Артёма устраивало всё. Точнее, всё, кроме зарплаты. Платили мало, хотя и немного больше, чем на предыдущем месте работы.

Женская часть коллектива с первого знакомства проявила к новому сотруднику повышенный интерес. Ради справедливости надо сказать, что этот интерес коснулся не всех. На невысокую девушку с пепельными волосами, которую звали Маргарита Карпинская, внешние данные Артёма не произвели никакого впечатления. Сначала Окунев это воспринял с иронией: мол, девочка не строит иллюзий на его счёт и поэтому изображает безразличие. Узнав её поближе, он понял, что глубоко ошибался. Рита оказалась цельной и глубокой личностью с твёрдой жизненной позицией. Спокойная, уравновешенная и приветливая, она всегда выглядела искренней и естественной. Артёма она не чуралась и не сторонилась, была с ним дружественной – ровно в той же степени, как и с остальными членами коллектива. По этой ли причине

или по какой другой, но Окуневу отныне с каждым днём всё больше хотелось добиться особого внимания к себе со стороны этой молодой женщины. Не произведшая поначалу на него особого впечатления, теперь Рита стала казаться ему необычайно привлекательной. И он для себя решил, что именно эта женщина ему нужна, и никакая другая.

Однажды получилось так, что в конце рабочего дня они остались в редакции вдвоём. Надо было исправить кое-какие огрехи. Между делом вели досужие разговоры. И вдруг Артём сказал:

– Рита, тебе кто-нибудь говорил, что ты очень красива?

Она подняла на него удивлённый взгляд, но ответила совершенно спокойно:

– Нет.

– Значит, я первый. Ты необычайно красива!

Рита отодвинула от себя ноутбук и пристально посмотрела на собеседника.

– Артём, в чём дело? К чему этот комплимент? Какую необычайную красоту ты во мне разглядел?

Он неопределённо пожал плечами.

– Я, наверное, не сумею словами объяснить то, что я вижу. Мне проще показать наглядно. Я это могу сделать, если ты захочешь.

– Сделать мой портрет?

– Да.

Рита немного подумала.

– Честно говоря, это *очень* неожиданно, – сказала она. – Но ты меня заинтриговал. Где и когда?

– Здесь и сейчас, – ответил Артём. – На дворе декабрь, темнеет рано.

В её глазах мелькнуло недоумение.

– Рано темнеет? Мы говорим о фотосъёмке, или я что-то не так поняла?

Артём поднял руки, жестом успокаивая собеседницу.

– Рита, ты всё правильно поняла. Просто я хочу немного поэкспериментировать с освещением. Уличный свет мог бы стать помехой. Но на дворе начинает темнеть, а фонари, надеюсь, нам не помешают.

Закончив дела, они приступили к импровизированной фотосессии. Артём зашторил окна и погасил верхний свет, после чего стал манипулировать настольными лампами, устанавливая необходимый уровень освещённости и выгодное направление света. Потом приступил к съёмке, меняя ракурсы и попутно давая своей фотомодели ценные советы. Рита послушно выполняла все его указания.

Время пролетело незаметно. Когда они закончили, было довольно поздно. Артём предложил проводить девушку до дому. Они шли по заснеженному городу, разговаривая о пустяках. А он мысленно представлял, как перед расставанием поцелует Риту. Но когда они уже стояли у её подъезда и прощались до завтра, он так и не осмелился осуществить своё намерение. Это было что-то новое. Прежде в себе такой робости он не замечал.

* * *

Четыре снимка получились особенно удачно. Окунев скопировал их на лазерный диск и на следующий день принёс на работу. Рита уже сидела за рабочим столом. Увидев Артёма, улыбнулась ему как старому другу. Он в ответ помахал бумажным конвертом. Затем подошёл к девушке, извлёк из конверта лазерный диск и вручил ей. Рита вставила диск в щель системного блока и стала с любопытством смотреть на монитор. Аппарат стремительно заработал, повизгивая и поскрипывая. Но вот звуки утихли, изображение первого снимка появилось на экране. И вдруг...

По лицу Риты пробежала гамма чувств: удивление, растерянность и даже испуг. Она прижала ладони к щекам, замороженно глядя на экран. Такая реакция не могла остаться незамеченной. К её столу потянулись коллеги. Встав за спиной Карпинской, они так же молча смотрели на портрет очаровательной женщины, лицо которой словно выплывала из полумрака. Рита щёлкнула клавишей, и на экране монитора появился другой снимок – ещё более выразительный. И дальше каждый из последующих снимков оказывался краше предыдущего. После просмотра всех четырёх фотографий корректор Катя Васильева сказала с восхищением:

– Ритуля, это невероятно! Ты просто богиня!

Рита растерянно взглянула на Окунева.

– Неужели это я? Артём, как такое возможно?

Главред Борис Иванович авторитетно заявил:

– А чему ты удивляешься, моя хорошая? Всё это в тебе есть. Просто Артём лучше других разглядел твою красоту и всем нам её показал. Одно слово: талант! Прибавлю-ка я ему зарплату.

С этого дня авторитет Артёма в кругу коллег поднялся на значительную высоту. Он сделал художественный портрет каждой из женщин коллектива. С Ритой у них начались романтические отношения. И вскоре они стали строить планы на будущее. Но эти планы пока были трудноосуществимы, так как у молодых не было собственного жилья, а доходы оставляли желать лучшего. Поэтому в свободное время Окунев стал подрабатывать, не гнушаясь грязной или физически тяжёлой работы. Кроме того, работа в журнале и сарафанное радио уже сделали его в некоторой степени известной в городе персоной. Многие жители Иркутска слышали о нём как о классном специалисте в области фотографии. Артёма стали приглашать на свадьбы, юбилеи и многие другие частные и общественные мероприятия.

У Максима Залесова тем временем тоже завязался служебный роман с коллегой по работе и, по совместительству, очень симпатичной девушкой Катей Васильевой. Две молодые пары крепко сдружились. С наступлением лета они нередко, прихватив с собой фотоаппараты, выбирались на берег Ангары или выезжали на Байкал. Свои пейзажи и портреты на фоне природы выставляли на страницах интернета.

Спустя два года Рита и Артём узаконили свои отношения. Родители молодых помогли им обзавестись собственной однокомнатной квартирой, повесив на свои шеи ипотечный кредит. Рита время от времени стала поговаривать о ребёнке, но Артём предложил немного подождать, пока они не станут на ноги чуточку покрепче.

* * *

Возможность стать на ноги покрепче появилась после телефонного звонка незнакомого человека, представившегося как Павел Меллер. Позвонивший сказал, что в интернете случайно обнаружил фотоработы Артёма Окунева, которые произвели на него неизгладимое впечатление. В связи с этим Меллер предложил работать совместно и обещал хорошую оплату. Поначалу Артём отнёсся к предложению с подозрением – в то время телефонные мошенники уже широко развили свою деятельность. Но Меллер ничего не требовал и ничего не навязывал. Он пригласил Артёма к себе в Новосибирск, чтобы ознакомить с условиями работы и обговорить все детали будущего сотрудничества. И выразил готовность, независимо от результата, оплатить дорогу туда и обратно сразу, как только Окунев примет решение ехать.

На семейном совете Артём и Рита взвесили все «за» и «против» и пришли к выводу, что попытка – не пытка. Артём сообщил о своём решении Меллеру, и тот сразу перевёл ему средства на перелёт. Окунев на всякий случай отпросился у главного редактора на понедельник, чтобы иметь в запасе время. В субботу утром он вылетел в Новосибирск.

Меллер встретил его в аэропорту. Из Толмачёва Павел первым делом повёз гостя в студию. Просторное, хорошо оборудованное помещение произвело на Артёма огромное впечатление. В рабочей зоне на массивном штативе был установлен фотоаппарат непривычной формы: вытянутый по вертикали, с коротким объективом. «Kodak DCS», – прочитал Артём.

– Нравится? – спросил Меллер.

– Впечатляет, – покривил душой гость.

– Ещё бы! Стоит четыре с половиной сотни. Шикарный портретник!

Озвученная цена действительно впечатлила Артёма. Вероятно, аппарат и в самом деле был очень хорош для портретов, несмотря на свой уродливый вид.

Меллер сказал, что оплата на первых порах, пока они не развернутся в достаточной мере, будет относительно скромной. Он назвал Окуневу приблизительную сумму, которая почти втрое превышала его заработок в Иркутске. При этом обязанности Артёма заключались лишь в том, чтобы делать фотоснимки, но такие, какие больше не умеет делать никто другой.

Затем Павел повёз гостя на квартиру, где Артёму и его супруге предлагалось проживать до тех пор, пока они не обзаведутся собственным жильём. Полнометражная трёшка также выглядела впечатляюще. Самая большая комната была свободной от мебели, если не брать во внимание две ширмы и осветительную аппаратуру. То есть она представляла собой уменьшенный вариант студии. И опять же всё это предлагалось на очень выгодных условиях. Никакой арендной платы с новых жильцов Павел не требовал. От них требовалось лишь своевременно вносить квартплату и оплачивать коммунальные услуги.

Всё это было похоже на сказку. Недолго раздумывая, Артём дал своё согласие. Вскоре молодая семья сменила место жительства. Иркутскую квартиру продавать не стали. Оставили её на попечение Ритиных родителей для сдачи в аренду.

Как было сказано выше, отныне главной темой фоторабот Артёма являлись женские портреты. Моделей ему поставлял Меллер. Все они, как правило, были яркими и красивыми молодыми женщинами. Однако в этом отношении у Паши имелся серьёзный изъян: для него не существовало такого понятия, как внутренняя красота человека. Артём пытался объяснить ему, что душевные качества и духовное богатство непременно отражаются на лице и придают внешности специфический шарм. Павел досадливо отмахивался, заявляя, что фотографии человеческих внутренностей его не интересуют. И Окунев прекратил разговоры на эту тему. Да и так ли уж важны были подобные тонкости, когда уровень жизни неуклонно рос, поскольку отныне, по словам Паши, доходы Артёма напрямую зависели от результатов продаж.

– Теперь мы с тобой партнёры, – говорил Меллер.

Артём понимал, что в действительности партнёрство было не равноценным, но это его ничуть не волновало. Он не испытывал ни малейшего желания разбираться в финансовых вопросах, кроме одного из них – размера собственных доходов.

Был ещё один положительный момент: работа с красивыми женщинами доставляла удовольствие. Умные и глупые, скромные и заносчивые – все они были вынуждены подчиняться Артёму и выполнять его указания. А некоторые делали это охотно и недвусмысленно давали понять, что испытывают интерес и симпатию к стройному и красивому фотографу. Однажды Окунев не устоял перед соблазном. Потом ещё раз не смог удержаться. Дальше понеслось как по накатанной дорожке.

Первый тревожный звонок прозвучал у него в душе, когда Артём почувствовал холодок в отношениях с женой. Ему нестерпимо хотелось узнать причину отчуждения, но задать вопрос он долго не решался. Да и не было необходимости спрашивать. Причина могла быть только одна – Рите стало известно о похождениях её мужа. И однажды она спросила напрямую:

– Ответь, Артём: ты изменяешь мне? Только не вздумай врать.

Рита твёрдо смотрела ему в глаза, ожидая ответа. Он замешкался, не зная, как правильнее будет поступить. Но сказать правду так и не решился.

– Нет, – выпалил резко и сам почувствовал, как фальшиво прозвучал его голос.

Блеск в глазах жены вдруг померк. Она вся как-то сникла, сжалась. Сказала с болью:

– Я бы, наверное, смогла простить измены, если бы была уверена, что впредь их не будет.

Но ты не сказал правды. Ты соврал. А это значит, что и в будущем тебе верить нельзя.

– Ритуля, ну чего ты выдумываешь?! – воскликнул Артём.

На этот раз его голос прозвучал ещё более фальшиво. Он взял жену за плечи, но она тут же вырвалась из его рук.

– Пусти!

Рита повернулась и пошла собирать вещи. С трепетным волнением в груди Артём смотрел ей вслед.

Эту ночь они спали отдельно. Хотя, если быть точным, спать Артёму совсем не пришлось. До самого утра сон не пришёл к нему. Да и Рита вряд ли смогла уснуть. На следующий день она улетела в Иркутск. Потеряв покой, Окунев плотно надел на своего работодателя: кто мог донести Маргарите об изменах её мужа? Паша уверял, что ничего не знает об этом, но непременно постарается выяснить и наказать доносчика.

Артём много раз пытался дозвониться до Риты, но она не отвечала на его звонки. Зато вскоре позвонили её родители и выразили глубокое разочарование в зяте, которого прежде воспринимали как родного сына. Но всё же их сетования и увещевания выглядели верхом деликатности по сравнению с тем, что Артём услышал от собственных родителей, особенно от отца.

А спустя два месяца Окунева пригласили в ЗАГС для подписания документа о разводе. Последний сдерживающий фактор рассыпался, исчез. С тех пор Артём не упускал ни одной возможности затащить в постель очередную красотку. Если же на ночь он оставался в одиночестве, мысли о потере любимой жены выедали его душу, словно прожорливые крысы.

3. Студия

Павел Меллер ожидал своего подопечного в компании двух молодых женщин. Втроем они сидели за накрытым столом, на котором красовались две бутылки коньяка и множество разной снеди. Едва Окунев вошёл в студию, девушки с интересом воззрились на него. Артём снайперским взглядом фотографа сразу оценил внешние достоинства обеих. Да, Паша был верен своим вкусам, подбирая для фотосъёмок ярких красоток. Но эти вкусы, как было сказано выше, касались исключительно внешних данных моделей. Руководствуясь, главным образом, этим соображением, Меллер нередко приводил в студию смазливых девок без единой мысли на лице и с отвратительными манерами. И потом сам же удивлялся, как его фотографу удаётся этих пустоголовых кукол изобразить ангелами и богинями. Да, Артёму это удавалось, но такая работа стоила ему времени и нервов.

Однако лица девушек, сидящих рядом с Пашей в настоящий момент, выглядели отнюдь не глупыми. Работать с такими было значительно легче и приятней. Только вот непонятно, зачем Павел сейчас привёл их в студию. Ведь планировался деловой разговор.

После взаимного приветствия Артём сказал, обращаясь к Меллеру:

– Кажется, предполагалась встреча по другому поводу. Ты бы хоть предупредил...

Паша нетерпеливо замахал рукой.

– Утомонись, Артём. Что ты скажешь впереди паровоза? Сейчас, не торопясь, всё решим, всё обсудим. Совместим полезное с приятным. Лучше присаживайся рядом с этой очаровательной блондиночкой. Кстати, её зовут Анжелика, то есть ангелочек. А это моя Каринка, – Меллер обнял одной рукой сидящую рядом с ним темноволосую красотку. – Надеюсь, ты не в претензии, что я без тебя распределил красавиц? Тебе – беленькую, мне – чёрненькую. Сам я белобрысый, поэтому меня тянет к брюнеткам.

– Я не в претензии, – сказал Артём, садясь за стол рядом с блондинкой.

Павел стал разливать коньяк по стопкам.

– Мне не наливай, – сказал Окунев. – Я приехал на своей машине.

– Приехал на своей, уедешь на такси, – категорично отрезал Паша, наполняя его стопку коньяком. – Сейчас ты просто обязан поддержать нас, – он встал и с пафосом произнёс: – Друзья мои! Первый тост я предлагаю выпить за талантливого фотографа, настоящего мастера своего дела и, как наверняка заметили присутствующие здесь дамы, красавца-мужчину. Случайно познакомившись с Артёмом на бескрайних просторах интернета, я сделал на него ставку и не ошибся. Уже первые наши совместные старания принесли неплохие результаты. И эти результаты неуклонно улучшались и улучшаются, что вовсе не удивительно. Ведь имя «Артём» говорит само за себя. «Арт» по-английски означает искусство.

– А что означают две последние буквы? – с простодушной иронией спросила Карина. – Ё-моё?

– А я бы расшифровала его имя по-другому, – включилась в разговор Анжелика. – Ар – это земля, а «тём» и объяснять не надо, – она положила руку на плечо кавалера. – Признавайся, красавчик, ты очень тёмная территория?

Артём шутливо пожал плечами.

– Я не знаю. Моё дело – фотографировать. Остальными вопросами заведует Паша.

Анжелика засмеялась.

– Ну вот, ты уже темнишь.

Меллер сокрушённо покачал головой.

– Ну что за народ, эти женщины. Такой тост испортили! Я толкаю речь о светлом и возвышенном, а они тут же заводят разговор о тёмном и приземлённом. А ведь ещё не выпили

даже. Ну что ж, дамы и господа, не будем греть коньяк. За моего друга и коллегу! – торжественно закончил он.

После принятия первой порции, Павел сказал, цепляя вилкой ломтик осетрины:

– Давайте приступим к делу до очередного тоста. А дело, Тёма, вот в чём. Я тут как-то пообщался с нужными людьми, ознакомил их с твоим творчеством. Сказать, что им понравилось – значит, ничего не сказать. Тобой всерьёз заинтересовались. И уже несколько потенциальных заказчиков высказали конкретные пожелания под будущие работы. Нас просят расширить тематику фотоснимков, – он хитро взглянул на Артёма. – О чём это я толкую, а? Ну-ка, дружок, прояви сообразительность.

– А тут и соображать нечего, – ответил Артём. – Одно пожелание сидит рядом со мной, другое – с тобой.

– Что-то помешало тебе дать полный ответ.

– Одежда, наверное. Угадал?

– Точно! – радостно воскликнул Паша. – Видите, девчонки: мы с Тёмой понимаем друг друга с полуслова. Это ценно, очень ценно! Ну, за понимание мы ещё выпьем. А сейчас я предлагаю тост за наших красавиц и первых ласточек на новом этапе нашей совместной деятельности.

Приняв по второй, некоторое время молча закусывали. Молчание нарушила Анжелика:

– Честно говоря, меня слегка удивляют ваши бурные эмоции по данному поводу. Разве сейчас кого-то удивишь голым женским телом? Кажется, уже наснимали во всех мыслимых и немыслимых видах и позах. Даже такой мастер как Артём вряд ли сможет придумать что-то из ряда вон выходящее.

– Похоже, я зря его рядом с тобой посадил, – сказал Меллер с усмешкой. – Не сомневайся, ангелочек, Тёма такие шедевры сварганит, что они влёт уйдут и потянут за собой новые заказы. Правда, заказчики выдвинули кое-какие требования, которые нам придётся соблюдать неукоснительно. Но они вполне закономерны и не слишком суровы.

– Заинтриговал! – промурлыкала Карина. – Умеешь ты, Паша-папаша, разжечь женское любопытство. Какие требования тебе выдвинули?

Она по-кошачьи потёрлась щекой о его плечо. Но Павел на этот раз остался равнодушен к её женским чарам.

– Я об этом скажу, когда посчитаю нужным, – сказал он спокойно, почти холодно. – Поэтому закрой свой ротик и слушай.

Карина шутливо надула щёки, изображая обиду.

– Ну вот, с Артёмом у Паши есть понимание, а со мной нет. Даже не знаю, что и думать по этому поводу. Ладно, не буду заморачиваться. Смирюсь с тем, что есть. Давайте выпьем за понимание между мужчинами!

Она налила себе полную стопку и тут же выпила. Вся эта сценка выглядела настолько комично, что Артём не смог удержаться от улыбки. Он взял бутылку, наполнил три остальные стопки. Вопросительно взглянул на Карину. Она утвердительно кивнула. Окунев налил и ей.

– Вот с Артёмом у нас есть понимание, – сказала Карина. – Может быть, нам и в самом деле следует поменяться? Артёмчик, я тебя никогда не стану критиковать и всегда буду поддерживать.

– Скоро я вас обеих передам Артёму в безраздельное пользование, – сказал Павел. – Поддерживайте друг друга как хотите и сколько хотите. Тёма – полигамный самец. Но дело должно быть на первом месте. Мне важны результаты. Давайте примем ещё и продолжим. За что там Карина предлагала выпить? Ах да, за понимание.

После очередной порции он продолжал свою речь:

– Есть приятная новость. Скоро мы начнём издавать фотоальбом Тёминых работ, наиболее удачных и отобранных нами для реализации. По этому альбому заказчики будут выби-

рать то, что им понравится. Каждая фотография должна быть уникальной. Если кто не понял, объясняю: заказчики желают, чтобы точно таких же портретов, как у них, ни у кого другого не было. Поэтому в электронном виде каждый снимок должен быть строго в одном экземпляре. Никаких копий! После окончательной обработки я забираю готовый материал, переношу его на холст и передаю заказчику в электронном и отпечатанном вариантах.

– Я не могу экспериментировать с оригиналом, – возразил Артём. – Это неразумно. Всегда есть риск испортить.

– Логично, – согласился Меллер. – Без копирования не обойтись. Но суть от этого не меняется: у тебя не должно остаться ничего из того, что ты передаёшь мне.

– Мне такой подход совершенно не нравится, – сказала Анжелика. – Почему меня лишают возможности иметь собственный портрет?

– Ты его будешь иметь, но только в альбоме. Все участники фотосессий получают свой экземпляр. И вот тут мы подходим непосредственно к нашему изданию. Альбом будет среднего формата, гляцевый, в твёрдой обложке. Тематика – обнажённая натура. Я хочу, чтобы эта тема, то есть «ню», присутствовала в названии. Мой вариант: «Нюша». При этом «ню» можно выделить крупными буквами для наглядности.

– Классное сочетание! – саркастически заметила Анжелика. – Понятно, что «ню» – это обнажёнка. А что такое «ша»? Что-то вроде «кыш»? Эй, голые, кыш отсюда!

– Что же тогда означает имя Паша, – спросила Карина, вновь приняв наивный вид. – Папа, кыш отсюда?

Меллер с тяжёлым вздохом покачал головой.

– Ох и заразы же вы! Для ясности уразумейте, что моё настоящее имя не Паша и даже не Павел, а Пауль. Теперь вернёмся к альбому. Ну, не смог я придумать другого приличного названия с «ню». Давайте назовём «Конюшня», если вас это устроит.

– А страницы будут стойлами, – тут же схватилась за слово Карина. – Извините, но я не хочу быть лошадьё.

Павел взглянул на Артёма.

– А ты что скажешь?

Окунев немного подумал и сказал:

– Мне кажется, что название должно быть во множественном числе, поскольку в альбоме будут фотографии разных женщин. Может быть, назовём «Нюшки»?

– «Печенюшки», – сказала Анжелика.

Предложенный ею вариант понравился всем. Меллер удовлетворённо изрёк:

– Принято! Значит, так: растягиваем название по всей ширине обложки, а «ню» выделяем другим цветом.

– Постой, – задумчиво произнёс Артём. – Я вспомнил вчерашний разговор с одной дамой на выставке. Он натолкнул меня на интересную мысль. Мы с ней говорили о глубине резкости.

– Как романтично! – воскликнула Карина. – Со мной ещё ни один мужчина не говорил о глубине резкости.

– Какое отношение это может иметь к названию альбома? – спросила Анжелика.

– Сейчас объясню. Представьте, что название состоит из квадратного печенья, из которого кусочки убраны таким образом, чтобы получились буквы.

– Так-так! – заинтересованно проговорил Павел. – Мне это уже нравится. А причём тут глубина резкости?

– Буквы мы изобразим не плоскими, а полу-боком. Как бы объёмно, – продолжал Артём. – Крупные вначале, они будут уменьшаться по мере удаления. Крайние буквы с обеих сторон должны быть читаемы, но в меру расплывчаты. Чем ближе к смысловому центру названия, тем чётче они будут становиться. И лишь само «ню» должно полностью находиться в зоне резкости.

– Отлично! – Меллер поднял руки, разведя их в стороны. – Что я говорил! Художник – он и есть художник.

За это опять выпили. Отламывая шоколадную дольку, Анжелика сказала Окуневу:

– Всё же мне не понятно, как мог возникнуть разговор с женщиной о глубине резкости. Чем у неё был вызван такой интерес? Она тоже фотограф?

Артём ответил с усмешкой:

– Нет, в фотографии она ничего не смыслит. Её внимание привлёк портрет зайца. Заяц был резко выделен среди нечёткого пространства. Женщина решила, что бедняга чувствует опасность и очень напуган этой мутной неизвестностью.

– Бедный зайчик! – сказала Карина.

– Заяц – он и есть заяц, – Меллер небрежно хмыкнул. – Чего его жалеть? Как говорится, зайцу – зайцево.

– Но он же не виноват, что родился не львом, – не отступала Карина.

– Каждый сам выбирает свою судьбу, – вдруг заявила Анжелика. – Кто сильно захочет, тот станет львом. Кто не захочет, останется зайцем.

– А ты, мой дорогой Пауль, как считаешь: может заяц при желании стать львом? – спросила Карина.

– Может, – сказал Паша. – Но только среди зайцев. Однако это лучше, чем быть зайцем среди львов.

На этом он объявил заседание закрытым.

* * *

Меллер поднялся и вышел из-за стола.

– Мне пора. Дела не терпят отлагательств, – он взглянул на Артёма. – Проводи меня. Перекинемся парой слов. А девочки пока пусть ещё побалуются коньячком.

Анжелика окинула мужчин пристальным взглядом, а Карина не удержалась от ехидного комментария.

– Ну вот, что я говорила... – сказала она и потянулась к бутылке. – Давай, Анжелка, примем на грудь за понимание между женщинами.

Вслед за шефом Окунев вышел из студии. На крыльце Меллер остановился.

– Сейчас у тебя, Тёма, ответственный момент, – сказал он серьёзно. – Непусти его. Девчонки непростые, но толковые. Проведи с ними пробную фотосессию. Не трать время на традиционные фотографии. Сразу займись тем, о чём мы сегодня говорили. Мне надо увидеть, что у нас из этого получится.

– Я всё сделаю как надо, – заверил Артём. – Пойду тормозну девчонок, пока они не набрались.

– Не спеши. Пусть набираются. Раскованнее будут. А ты этим обстоятельством воспользуйся. Раззадорь девок на пикантные сцены. Пусть покрасуются вместе и порознь. Ты у нас личность творческая, включи свою фантазию.

Артём слегка задумался, затем спросил:

– Насколько пикантными должны быть сцены? Меня интересуют границы дозволенного. Павел нетерпеливо махнул рукой.

– Да нет никаких границ! Что взбредёт в голову, то и выкаблучивай. Главное, чтобы у тебя чуйка и техника оставались на должном уровне. Остальное – моя забота.

Когда Артём вернулся в студию, женщины на треть опустошили вторую бутылку.

– Садись, Тёма-красавчик, выпей с нами, – предложила Карина.

Анжелика не без сарказма возразила:

– Тёме скоро потребуются ясный ум и зоркий глаз. Сама подумай: какими он нас изобразит, если мы его напоим?

Под её пристальным взглядом Артём вдруг почувствовал себя не вполне уютно. Что-то насторожило его в этой женщине. За едкостью её острот он почувствовал нечто более серьёзное. Карина тоже постоянно иронизировала, но всё же казалась попроще. А вот с этой надо было держать ухо востро.

– А я считаю, что коньяк пойдёт ему на пользу, – не отступала Карина. – Видишь, как он напрягся? Так обычно напрягается недопивший мужчина рядышком с перепившими женщинами. А если он сейчас примет солидную порцию и расслабится, то его свободный дух воспарит к творческим высотам. Верно, Тёмчик?

– Верно, – сказал Артём.

Он наполнил дамам стопки, себе налил почти половину большого тонкостенного стакана и произнёс тост:

– За полёт к творческим высотам, печенюшки! Пьём – и за работу!

Тост понравился, и за него дружно выпили. Затем практически сразу перешли в рабочую зону студии.

* * *

Совет Меллера включить фантазию оказался лишним. Едва Артём приблизился к рабочему месту, все его рефлексы включились автоматически. Однако сегодня ему пришлось своё внимание заострить, главным образом, на технической стороне дела, так как фантазии подвыпивших моделей далеко превзошли его собственные. Раззадоривать девушек не пришлось, поскольку эту функцию с успехом выполнил коньяк. Пользуясь случаем, Артём спешил сделать как можно больше снимков, пока спиртное не начало действовать в обратном направлении.

Была ещё одна причина, по которой ему хотелось поскорее закончить работу. Если и прежде, делая портреты красивых, но одетых женщин, Артём не мог совладать со своими желаниями, то сейчас обнажённые тела двух отпустивших тормоза красоток доводили его до крайнего нетерпения. И он уже мысленно прикидывал, которая из них поможет ему сегодня сбросить напряжение.

Закончив работу, Артём извлёк из аппарата карту памяти. Женщины тем временем неспешно оделись. Недавний кураж в них заметно поубавился.

– Что-то на душе у меня посмурнело, – сказала Карина. – Предлагаю допить коньяк.

Возражающих не нашлось. Дружно вернулись к столу. Остаток спиртного выпили стоя и без тостов.

– Ну вот, жить стало легче, – удовлетворённо заметила Карина. – Теперь пора от горького переходить к сладкому, – она плотно прижалась к Артёму. – Тёмчик, как ты решил: продолжим здесь или поедem к тебе?

– Ко мне, – ответил Окунев. – Я не любитель спартанских условий.

– Врунишка! – Карина погрозила ему пальцем. – Я слышала, что раньше спартанские условия тебя не пугали.

«Чёрт! – со злостью подумал Артём. – Надо сказать Паше, чтобы поменьше чесал языком. От кого ещё она могла узнать?».

Вслух сказал:

– «Раньше» было раньше. Теперь всё изменилось.

– Теперь ты стал сибаритом. Смотри, Тёма, придут варвары и разрушат твой Рим. Ладно, едем! – Карина обратила свой взор на подругу. – Анжелка, ты с нами?

– Нет, – ответила Анжелика. – Поезжайте вдвоём.

– Чего так?

– Ничего. Просто немного раскисла. Ты, подруга, не тяни волынку, топай шустрой, ни то мужчина лопнет от перенапряжения.

Спустились вниз и, попрощавшись с охранником, вышли из здания.

– Может, передумаешь? – спросила Карина. – Видишь: Тёма расстроился.

– Тёма меня простит, – сказала Анжелика.

Она подошла к Артёму, обвила его шею руками, прижалась щекой к его щеке и вдруг шепнула:

– Будь осторожен. Не откровенничай.

И ушла, помахав на прощание рукой. Задумчиво глядя ей вслед, Артём вынул из кармана телефон, чтобы вызвать такси. Но передумал. Он провёл Карину к своей машине. Когда они заняли свои места, спросил:

– А как же Паша?

Карина удивлённо взглянула на него.

– А при чём тут он? Боишься, что заревнует? Брось! Наш папаша Пауль, кажется, выразился вполне конкретно. Его интересуют только результаты фотосессии. А кто, где и в какой форме будет делать меня счастливой, ему абсолютно пофиг.

Артём включил двигатель и повёл машину очень аккуратно. Его нетерпение подходило к пределу, и связываться с полицией ему сейчас очень не хотелось.

4. Прошлое и настоящее

Часы показывали половину десятого. Артём повернул голову: Карина лежала рядом и, казалось, крепко спала. Но едва он стал выбираться из постели, она открыла глаза и сладко потянулась.

– Мур-р-р! Как классно! Ещё бы кофе в постель для полного счастья.

– Погоди чуток, – сказал Артём, влезая в домашние брюки. – Я сейчас сварю и принесу. Она хмыкнула.

– Зачем время терять? Меня вполне устроит растворимый.

– Растворимый – это не кофе. Я такую гадость не пью.

– Я тебя и не заставляю. Ты его *мне* приготовь.

– Карина, поскольку я его не пью, то и не покупаю, – терпеливо произнёс Артём. – У меня его просто нет.

Она вздохнула.

– Значит, я вчера была права: ты сибарит, любишь красивую жизнь. Ладно, так и быть, потерплю немного. Но пока ты сварешь, я уже, пожалуй, встану.

Она тоже стала выбираться из постели. Закончив утренние процедуры, Артём приготовил кофе на двоих, а Карина завтрак. За столом она спросила:

– Каковы наши дальнейшие планы? Придумаем что-нибудь?

– Я буду занят, – сказал Артём. – Надо поскорее обработать вчерашние снимки. А тебе вызову такси.

– Давай сначала их вместе посмотрим, – предложила она. – Мне жуть как интересно! Вчера мы с Анжелкой оторвались по полной программе.

– Да уж. Если честно, не ожидал от вас таких выкрутасов. Значит, вы чередуете мужчин с женщинами?

– Ага, – коварным полушёпотом сказала Карина и тут же прыснула от смеха. – Дурак ты, Тёмка! Вчера был спектакль. Паша попросил поизображать лесби. Сказал, что многие чудики готовы хорошо платить за такие фотографии, если, конечно, эти фотки сделаны по уму и оригинально.

– Но ты же предлагала Анжелике поехать с нами, – продолжал наезжать Артём.

– Ну, предлагала. Я думала, что тебе это понравится.

– Не помню, чтобы я высказывал подобное желание.

– Слушай, чего ты пристал? – вдруг рассердилась Карина. – *То* ему не так, *другое* не так. Я тебя вчера тоже кое о чём спрашивала. Ты мне хоть что-нибудь толком рассказал? Чёрта с два! Нёс какую-то чушь.

Минувшей ночью женщина исподволь и ненавязчиво задавала партнёру вопросы, которые касались самых разных аспектов его жизни: общается ли Артём с бывшей женой; что думает о Паше; доволен ли своей работой и заработком; каковы планы на будущее. Интимная обстановка вполне способствовала откровенным разговорам. Вероятно, Окунев повёлся бы на её трогательное участие в его жизни и излил душу, если бы не странное предупреждение Анжелики. Именно оно заставило его насторожиться и заподозрить что-то неладное. Он стал увиливать от прямых ответов, порой довольно глупо и неуклюже. И вот теперь Карина с упрёком смотрела на него, ожидая объяснений.

– Ну, во-первых, это было не вчера, а сегодня, поскольку время уже перевалило за полночь, – сказал Артём. – Во-вторых, постарайся понять моё состояние. Мы много раз выпили, интенсивно поработали. Потом, если не забыла, у нас с тобой были не менее интенсивные интимные отношения. Я просто зверски устал и хотел спать.

– Но теперь-то ты отдохнул и выспался.

– Давай сначала закроем разговор об Анжелике.

– Угу. Вижу, понравилась она тебе. Ладно, слушай, – Карина посмотрела Артёму в глаза и заговорила доверительным голосом: – Я хотела понаблюдать за ней и кое в чём убедиться. Дело в том, что Анжелка – тёмная лошадка. Мы с ней вовсе не подруги. Я даже не знаю, откуда и зачем она к нам прибилась. Будь осторожен и не расслабляйся рядом с ней. Кстати, что она тебе вчера шепнула?

Вопрос застал Артёма врасплох. Он стал морщить лоб, словно пытаясь вспомнить.

– Точно не могу повторить, – сказал он. – Что-то вроде того, что следующую ночь я должен буду провести с ней.

– Да ты у нас просто нарасхват! – съязвила Карина, недоверчиво глядя на него.

Что-то в её тоне зацепило Артёма, неприятно резануло слух. Гостья, как видно, это заметила. Отведя взгляд в сторону, сказала:

– Ладно, проехали. Предлагаю вернуться к моим вчерашним вопросам. Скажу честно: я к тебе равнодушна. Поэтому мне жутко интересно побольше о тебе узнать.

– Не сейчас, – ответил он. – Я тебе уже говорил, что у меня много работы. Паша ждать не любит.

– Подождёт. Полчаса ничего не решат.

– Значит, я не могу ждать. Не хочу потерять рабочий настрой.

– Хорошо, – согласилась она. – Включай комп. С удовольствием посмотрю, что у нас получилось.

– Нет, – жёстко отрезал он. – Ты мне будешь мешать. Я вызову такси.

Она резко встала из-за стола. Сказала с откровенной неприязнью:

– Не утруждайся.

Взяла свою сумочку и ушла, хлопнув дверью. Артём продолжал сидеть за столом, пытаясь осмыслить происходящее. Концовка бурной встречи с Кариной оставила в душе неприятный осадок. Начинало происходить что-то странное и непонятное, и это ему очень не нравилось. Две яркие и неглупые женщины, изображавшие вчера перед объективом фотоаппарата жгучие страсти, неожиданно стали бросать друг на дружку мутную тень подозрения.

Поскольку попытки разобраться в данном вопросе ни к чему не привели, Артём бросил это бесполезное занятие. Он перешёл в другую комнату, сел за компьютер и принялся за работу. Пролистав результаты вчерашней фотосессии, пришёл к выводу, что снимки получились практически идеальные и если требовали коррекции, то самой минимальной. В этом, несомненно, была заслуга фотографа, но не только его. Анжелика и Карина оказались на редкость одарёнными моделями, с какими Артёму прежде крайне редко доводилось работать. Им почти не требовалось давать советы и подсказывать. Женщины сами тонко улавливали мельчайшие нюансы, не переходя ту невидимую черту, за которой начинаются пошлость и безвкусица. Даже острые пикантные сцены в их исполнении не казались пошлыми.

Многократно просматривая, сравнивая и анализируя, Артём выбрал из огромного количества снимков два десятка наиболее удачных. Сделав копии, поэкспериментировал над ними, после чего удалил, оставив оригиналы в первоизданном виде. Потом ещё раз просмотрел отобранные варианты, внимательно, словно въедливый критик, разглядывая каждый снимок. И вновь убедился в том, что работа была выполнена безупречно. Фотографии приковывали взгляд, завораживали, волновали душу. Игра света, изящные позы и томные пронзительные взгляды превращали двух изображённых женщин в неземных существ – полуангелов, полубогинь – несмотря на их откровенную наготу и подчас слишком вольные сцены. Артём ничуть не сомневался, что предприимчивый Паша Меллер без проблем реализует все эти снимки в электронном или отпечатанном виде – это не имело значения. Досадным было то, что фотографа лишили права оставить у себя копии этих шедевров. Ну, разве что, за исключением отпечатков на страницах будущего альбома. По этой причине Артём спешил в полной мере

насладиться красотой двух сексапильных ангелочков. В настоящий момент его не слишком волновало то, что в реальной жизни эти женщины оказались отнюдь не ангелами.

Закончив просмотр, Артём перенёс снимки на флэшку – передачу их через интернет Меллер категорически запретил. Окунев позвонил ему и сообщил о том, что работа закончена.

Паша подъехал через час. Взяв флэшку, спросил:

– Сколько отобрал?

– Двадцать, – сказал Артём.

– Остальные стёр?

– Пока нет. Думал, ты посмотришь и выберешь ещё что-нибудь.

Меллер немного подумал.

– Удаляй всё. Двадцати будет достаточно. Я полагаюсь на твой вкус. Отдыхай, Тёма. Сегодня у тебя нет работы. Позвоню, когда потребуешься.

Он ушёл. Заперев за ним дверь, Артём прошёл в спальню и плюхнулся на кровать. Настроение отчего-то испортилось. Он не сомневался, что отданные Паше фотографии будут восприняты положительно и принесут неплохой заработок. Но это почему-то не радовало. При всей своей успешности, востребованности и избытке внимания со стороны женщин Артём вдруг почувствовал себя совершенно одиноким.

* * *

Заняться было абсолютно нечем. А куда-то идти совсем не хотелось. Да и куда идти? Посидев в тишине и поразмыслив, Артём пришёл к выводу, что накотившее на него чувство одиночества – не случайное и не временное состояние. Оно подспудно сидело в нём с того момента, когда жена ушла от него. В огромном городе с полуторамилионным населением Рита была единственным близким ему человеком. Но однажды вдруг что-то произошло. Что-то очень важное выпало из жизни Артёма, и случилось это задолго до потери жены. Пожалуй, с того момента, когда Паша Меллер ввёл его в круг своего общения.

Будучи вполне коммуникабельным человеком, Окунев быстро обзавёлся знакомыми и приятелями. Он хорошо ладил со всеми, но среди них не было ни одного, кого бы он мог назвать своим другом. В новом окружении все разговоры, встречи и даже праздничные мероприятия базировались на финансовых интересах. Сквозь денежную призму рассматривалось абсолютно всё – в том числе и дружба. В Иркутске всё было по-другому.

Вслед за одиночеством на Артёма накатила ностальгическая тоска, которую следовало задуть в зародыше, пока она сама не вцепилась в горло обеими руками. Он понимал, что ему не справиться с ней в одиночку. Требовался человек, с которым можно было поговорить. При этом не обязательно изливать душу. Можно говорить о чём угодно, лишь бы от этих разговоров не тошнило. Прислушавшись к внутреннему голосу, Артём понял, что из всех нынешних знакомых он предпочёл бы встретиться с Анжеликой, хотя ему самому это желание казалось странным, поскольку ещё вчера он чувствовал себя рядом с ней не вполне уютно. Немного подумав, он объяснил свой выбор тем, что ему хотелось прояснить обстановку и пролить свет на странные взаимоотношения между двумя фотомоделями.

Но ни адреса, ни телефонного номера Анжелики у Артёма не было. Недолго думая, он позвонил Меллеру и изложил свою просьбу.

– Ну ты даёшь! – искренне удивился Паша. – Без выходных работаешь. Одну ночь с Каринной прокувыркался. Теперь ему Анжелику подавай. Совсем себя не бережёшь.

– Кто-то вчера назвал меня полигамным самцом, – напомнил Артём. – Теперь я вынужден оправдывать высокое доверие.

– Уважаю ответственных людей, – сказал Меллер. – Честно говоря, прекрасно тебя понимаю. Девчонка не только красива, но и чертовски умна. С такой всегда есть о чём поговорить. Ладно, постараюсь найти её номерок. Сброшу на WhatsApp. Потерпи малость.

Связь прервалась. В ожидании звонка Артём от нечего делать пролистывал список контактов. Дойдя до строчки «Залесов Максим», остановился. Чёрт возьми, сколько времени он не общался с Максом? Пожалуй, с тех пор как ушла Рита. Окунев торопливо сделал вызов.

– Алло! – послышался в трубке знакомый голос.

– Макс, это я – Артём, – сказал Окунев. – Привет, дружище!

– Артёмка, привет! – радостно воскликнул Максим. – Я уж думал, что ты совсем потерялся. Пытался дозвониться. Хотел поздравить тебя с персональной выставкой.

– Что, уже и в Иркутске об этом знают? – удивлённо спросил Окунев.

– Странный вопрос, – в свою очередь удивился Залесов. – Об этом почти по всем центральным каналам протрубили. Ты что, телек не смотришь?

– Верно, не смотрю. Значит, говоришь, потерял меня?

– Да. Пытаюсь выйти на связь, а мне бездушный женский голос отвечает: «Номер не обслуживается». Я даже заволновался. А ты, оказывается, просто симку сменил. От кого прячешься?

– От предков, – с досадой сказал Артём. – Мать все мозги пропесочила, какой я дурак и распутник. А батя теперь со мной не может разговаривать без матов.

– Знаешь, Тёма, я их прекрасно понимаю, – в трубке послышался вздох. – А вот тебя понять не могу. Променять Риту на... Ладно, попробую обойтись без эпитетов. Не знаю, чем ты думал. Уж точно не головой.

– Головкой я тогда думал. Хотя бы ты мне мораль не читай. Лучше скажи, как там Рита? У неё всё в порядке?

– Внешне – да. А что в душе, того не знаю.

Понимая, что задаёт глупый вопрос, Артём всё же спросил:

– Как у неё с финансами дело обстоит? Тебе что-нибудь известно об этом?

– А то ты не знаешь, как у нас в редакции с финансами дела обстоят, – Максим иронично хмыкнул. – Рита не исключение. Но ничего, выкручивается, как и все мы.

Окунев вдруг почувствовал острую потребность оправдаться перед другом.

– Макс, я пытался ей помочь. Много раз пытался. Высылаю ей деньги, а она их отправляет обратно, – он тяжело перевёл дух. – Ладно, это мои проблемы. Ты о себе расскажи. Как у вас-то с Катей? Всё в порядке?

– Да как тебе сказать. Тоже выкручиваемся помаленьку. Хвалиться нечем, но и жаловаться не вижу причин.

– Слушай, Макс, – Артём замешкался, подбирая нужные слова. – Я виноват перед Ритой. Обещал ей счастливую жизнь, а сделал несчастной. Хочется как-нибудь загладить свою вину. Можешь мне в этом помочь?

– Смотря что от меня требуется, – уклончиво ответил Максим. – Каким образом ты собираешься вину заглаживать?

– Я отправлю деньги на твой счёт, а ты их снимешь и передашь Рите.

– Глупая идея. Даже не представляю, как я это сделаю.

– Это может сделать Катя.

– Артём, пойми простую вещь, – заговорил Максим подчёркнуто спокойно. – *Этих* денег Рита не возьмёт. В любом случае придётся отправлять обратно. Пустые хлопоты.

Окунев понимал, что его друг прав. Но его душа никак не хотела мириться с такой правотой.

– А ты не отправляй, – сказал он. – Пусть деньги останутся у тебя. Тогда и хлопоты не будут пустыми.

– А вот эта идея ещё глупее, – на этот раз голос Залесова прозвучал сердито. – Мне милостыня не нужна.

Артём тоже рассердился.

– Ну вот, и ты туда же! – проворчал он. – Не знал я прежде, что в Иркутске все такие гордые. Ладно, не хочешь принять дружескую помощь – считай, что я тебе одалживаю. Отдашь, когда сам посчитаешь нужным. Немного умерь свою гордыню. У тебя же дочка ещё совсем маленькая.

– У меня, Артём, уже две дочки, – сообщил Залесов торжественным голосом. – И я сам в состоянии их поднять и поставить на ноги.

Артём понял, что спорить на эту тему бессмысленно. На ум ему пришла идея, в успех которой он и сам не очень верил. Но чем чёрт не шутит...

– Есть ещё вариант. Я могу замолвить за тебя словечко перед шефом. Ты же хороший специалист. Станем работать вместе – забудешь о финансовых проблемах. Поговори с Катей. А я постараюсь убедить Пашу в том, что мне нужен помощник.

Максим молчал. Видимо, предложение его озадачило.

– Артём, спасибо тебе за заботу! – сказал он после затянувшейся паузы. – Но из этой затеи тоже вряд ли что-то выйдет. Во-первых, я не такой уникам как ты. Кроме того, я ведь также могу не устоять перед соблазном. Начну думать не той головой. А мне моя семья дороже. Это во-вторых. Ты, дружище, не волнуйся за нас. Мы с Катей кое-что наметили. Даст Бог, получится. Пока не буду озвучивать – сглазить боюсь. Давай поговорим о чём-нибудь другом.

– О другом в другой раз поговорим, – ответил Артём.

– Ну, тогда бывай, дружище. Рад был услышать тебя!

– Бывай.

Закончив разговор, Артём задумался. Почему для него стало так важно помочь бывшей жене или старому другу? Чем реально мотивировалось это стремление? Ответ лежал на поверхности: он скучал по прежней жизни. По той самой жизни, наполненной большими и маленькими хлопотами и постоянными попытками свести концы с концами. Сейчас у него нет таких проблем. Казалось бы, живи и радуйся. Однако настроение было таким, словно вместе с проблемами стало уходить и всё хорошее, оставляя после себя пустое место. Эта пустота медленно и незаметно росла в душе, вытесняя что-то ценное, значимое.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, Артём заглянул в WhatsApp. Там он увидел телефонный номер Анжелики, присланный Пашей Меллером. Но звонить уже никому не хотелось. Окунев прошёл в спальню и плюхнулся на кровать.

5. Семена сомнений

Его разбудил дверной звонок. Артём тяжело поднялся и, чертыхаясь, поплёлся в прихожую. Он распахнул входную дверь и увидел перед собой Анжелику.

– Ты?! – спросил удивлённо. – Вот уж не ожидал. Входи.

Она прижала палец к губам и негромко сказала:

– Собирайся. Жду тебя внизу.

И ушла. Артём в полном недоумении смотрел ей вслед. Встряхнул головой, словно сбрасывая наваждение. Затем, ополоснув в ванной заспанное лицо, вернулся в спальню и стал одеваться.

Когда он вышел на крыльцо, синяя «Хонда» во дворе мигнула фарами. Артём подошёл к машине, сел на переднее пассажирское место.

– Каковы наши дальнейшие планы? – спросил он. – Ради какой великой цели ты нарушила мой сон?

– Спать надо *по ночам*, – парировала женщина. – Хотя понимаю: ночью тебе было не до сна.

– Ты не ответила на мой вопрос.

– Хочу восстановить справедливость, – она засмеялась. – Считаю, что меня зависть и ревность одолели, неотразимый мой. Тебе Карина говорила, что ты неотразимый?

– Она сказала, что я нарасхват. Ехидно так сказала.

– Мерзавка!

Анжелика включила двигатель.

– Куда мы едем? – спросил Артём.

– Ко мне, – ответила она, трогаясь с места. – Я чувствую себя обделённой. Будем с тобой восстанавливать справедливость. Ты же не против?

– Мы могли бы восстановить её у меня дома.

– У тебя? – переспросила Анжелика. – То есть в Пашиной квартире? Нет, там этого делать не стоит.

– Почему?

Она загадочно улыбнулась.

– В целях конспирации. Не люблю радиоспектакли.

Артём почувствовал досаду, какую испытывают люди, слыша несусветную глупость.

– О какой конспирации ты говоришь, чёрт возьми?! И при чём тут радиоспектакли? Там что – микрофоны спрятаны?

Анжелика пожала плечами.

– Не знаю. Но, как говорится, бережёного Бог бережёт.

Окунев тяжело вздохнул.

– Послушай, Анжелика...

– Зови меня просто Лика, – предложила она. – Иначе язык сломаешь.

– Хорошо. Так вот, Лика, мне кажется, что вы с Кариной делаете из меня дурака. Чего-то там мутите. Предостерегаете друг от друга. Навыдумывали всякую хрень и теперь прикалываетесь.

– Что? Она тебя предостерегала от меня?

– Да, – резко ответил он.

Какое-то время Анжелика молча вела машину. Потом сказала:

– Твой сердитый тон, Артём, кое о чём говорит.

– О чём же?

– О том, что мужчин надо держать чуточку голодными. Чем более мужчина удовлетворён, тем он менее деликатен, – она бросила на него короткий взгляд. – Как я погляжу, минувшей ночью ты был очень хорошо удовлетворён. Теперь вот тревожусь: вдруг для меня ничего не осталось.

Окунев откинулся на спинку сидения, прижался затылком к подголовнику.

– Ясно: ушла от ответа, – проворчал он.

– Почему же – я отвечу, – сказала она серьёзно. – Так вот, Артём, никто из тебя не делает дурака. Всё обстоит несколько иначе. Мы с Кариной вовсе не вместе. И уж точно не подруги.

– Она мне об этом тоже говорила.

– Что ещё говорила? Она тебя о чём-то расспрашивала? О чём-нибудь значимом для тебя?

– Да, о многом, – сказал Артём. – В том числе интересовалась, *что* ты мне вчера шепнула.

– Ты ей сказал?

– Нет, придумал какую-то фигню вместо ответа.

– Это хорошо.

Артём невесело рассмеялся.

– Ещё один заумный оборот, – сказал он язвительно. – Что значит «хорошо»? Кому хорошо? Почему хорошо? Какой глубокий смысл ты сейчас вложила в это слово?

– Всё очень просто, – спокойно ответила Анжелика. – Сам подумай. И я, и Карина предостерегли тебя одна от другой. Мне ты сказал правду, а ей нет. Значит, *мне* ты доверяешь больше.

Она свернула во двор, въехала на стоянку и заглушила двигатель.

– Ты привезла меня для допроса? – спросил Артём.

– Не только, – сказала Анжелика. – Мы можем совместить полезное с приятным.

Он отрицательно мотнул головой.

– Не хочу совмещать. Спрашивай здесь.

Она согласно кивнула.

– Добро! Начнём с главного: что тебе известно о Пашиных делах?

Артём пожал плечами.

– Что мне может быть известно? Я фотографирую, он продаёт.

– И всё?

– И всё. Тонкости его деятельности меня не интересуют. Если хочешь узнать что-то, спроси у него.

– Да, не густо, – Анжелика критично посмотрела на Окуневу. – Ты очень удобный напарник, Артём. Паше с тобой повезло.

– Мне самому так удобнее. Меллер хорошо платит. Остальное – не моё дело.

– Представление о хорошей оплате зависит от того, к какому уровню жизни человек привык, – возразила она. – Если бы ты был чуточку любопытнее относительно Пашиных доходов, то, вероятно, совсем иначе оценил бы свою долю. А то, что тебе так удобнее, так ведь это до поры – до времени. Потом могут посыпаться сюрпризы.

– Чёрт возьми! – воскликнул Артём, внезапно почувствовав раздражение. – До этого разговора меня всё устраивало, всё было замечательно. А теперь, судя по твоим словам, выходит, что я чуть ли не в полной заднице.

– Пока ещё нет. Но у тебя есть все шансы попасть именно туда.

– Мне очень не нравятся твои туманные намёки. Если ты считаешь мозг интимным органом, то ищи себе другого партнёра.

Вновь бросив на него оценивающий взгляд, Анжелика сказала:

– А что делать, если ты не используешь его по назначению? Считаешь, что я долблю тебе мозг? Так включи его! Один очень неприятный сюрприз ты однажды уже получил, но, как вижу, ничего не понял.

На Артёма вдруг накатила усталость.

– Я вообще перестаю что-либо понимать, – сказал он. – Что ты подразумеваешь под словом «сюрприз»? И как это связано с Меллером?

– Ладно, проехали, – в её голосе тоже прозвучала усталость. – Как вчера сказала Карина, пора переходить к сладкому. Надеюсь, что эта часть организма у тебя работает лучше.

– Не знаю. Спроси у Карины, – сердито буркнул Артём.

– Ты мужик или автоответчик? – насмешливо спросила Анжелика. – Заладил одно и то же: «Спроси у Паши», «Спроси у Карины». А сам что?

– Сам я уже ни в чём не уверен. Дурацкий разговор нанёс урон моему либидо. Мозг ты мне реально вынесла. Кстати, у меня к тебе тоже есть вопрос. Готова ответить?

Анжелика едва заметно напряглась.

– По возможности, – сказала она. – Спрашивай.

– Чем ты волосы красишь? – спросил Артём.

Она удивлённо вскинула брови.

– Что?!

– Ну, волосы. Раньше женщины обесцвечивали их перекисью водорода. А чем сейчас это делают, я не знаю. Вот и спрашиваю: каким средством ты обесцвечиваешься?

Анжелика смотрела на него с явным непониманием.

– Артём, в чём дело? Причём тут волосы? Решил в отместку проехаться по моим мозгам?

Он усмехнулся.

– Ну вот, а ещё мне советы даёшь. Я ведь задал тебе простейший вопрос.

– Я ничем не крашу волосы, – холодно ответила Анжелика. – Это мой натуральный цвет.

– Мне трудно поверить.

Она продолжала озадаченно смотреть на него. И вдруг рассмеялась.

– Я поняла! Молодец! Очень остроумно! Видишь, Тёма, ты и в этом вопросе плохо информирован. Оказывается, не все блондинки глупые. Ну что, идём? Нам обоим есть что восстанавливать.

Артём сморщил лоб.

– Что-то не соображу. Подскажи.

Теперь Анжелика смотрела на него с ласковой улыбкой, хотя её взгляд оставался холодным.

– Ну вот, милый, ты опять поглупел. Ладно, подсказываю: тебе нужно восстановить либидо, мне – справедливость. Идём же! Мне просто не терпится доказать тебе, что я лучше Карины.

Она вышла из машины и направилась к крыльцу. Артём поплёлся следом, не испытывая в душе ни радости, ни приятного волнения. Ожидание интимных утех с беловолосой красавицей омрачали посеянные в душе неясные тревоги. Кроме того, следовало быть готовым к очередной порции вопросов, но заданных не напрямую, а тонко, осторожно, завуалированно. В его спокойную, сытую и размеренную жизнь вторгалось нечто непонятное, тёмное и пугающее.

Небольшая однокомнатная квартира была обставлена скромно и просто. Окинув взглядом интерьер, Артём вдруг пришёл к выводу, что это место не может быть жильём женщины.

– Ты *здесь* живёшь? – спросил он.

Видимо, в его голосе заметно прозвучало сомнение. Анжелика слегка помедлила с ответом. Потом сказала уклончиво:

– Кажется, я поняла, в чём суть твоего дара. Но я не уверена, что ты сам понимаешь, в чём он заключается. Просто пользуешься тем, что приходит свыше.

– Опять ушла от ответа, – резюмировал Артём.

Она усмехнулась.

– Разве? Мне почему-то показалось, что я дала тебе исчерпывающий ответ.

До Артёма дошёл смысл её слов: в том, что она здесь живёт, он усомнился не в результате размышлений и анализа обстановки, а на подсознательном уровне. Видимо, также обстояло дело с фотографией. Ему не требовалось придумывать, анализировать, пробовать, сравнивать варианты. Он действовал по наитию. Всё приходило само-собой и неведомо откуда.

– Да, конечно, – согласился Артём. – Ты мне сказала почти прямым текстом: мы на явочной квартире. Как здесь насчёт микрофонов?

Анжелика подошла к нему вплотную, положила руки на плечи и ласково заглянула в глаза.

– Выпьешь чего-нибудь? – спросила она.

– Зачем? Чтобы язык развязался? Это бессмысленно. Я действительно ничего не знаю.

– Я это поняла. Просто хочу, чтобы ты расслабился. Поверь: нас никто не видит и не слышит. Здесь мы в полной безопасности.

– *Мы?* – спросил Артём. – Мне кажется, что это слово предполагает единство. О каком единстве между нами может идти речь, если ты используешь меня в тёмную?

Анжелика вздохнула, сокрушённо качая головой.

– Как же с тобой тяжело! Тебя испортила твоя интуиция. Ты совершенно разучился думать. Если ты хотя бы попробуешь вспомнить и проанализировать наш сегодняшний разговор, то поймёшь одну простую вещь: я фактически раскрылась перед тобой в своих намерениях, а ты мне ничего ценного не сообщил. Так кто из нас двоих темнит, Тёма?

Артём был вынужден признаться себе, что, в сущности, всё обстояло именно так.

– Тогда мне и вовсе непонятно, – сказал он. – Ведь получается, что я могу раскрыть тебя перед Пашей.

– Можешь, – согласилась она. – Но не сделаешь этого.

– Почему ты так уверена?

– Всё очень просто, Артём. Я уже говорила, что у тебя прекрасная интуиция. И она подсказывает тебе, что я более честна и надёжна, чем Паша Меллер.

Немного подумав, Окунев пришёл к выводу, что она и на этот раз права. Смутное необъяснимое чувство, вопреки здравому смыслу и логике, склоняло его выбор в пользу этой практически незнакомой женщины.

– Что у тебя есть? – спросил он.

– Коньяк, виски, – ответила она.

– Давай коньяк. И большой стакан для меня.

Анжелика вновь улыбнулась. На этот раз её улыбка получилась немного грустной, но искренней.

* * *

В последующие дни Павел задействовал Артёма в организационных делах. В первую очередь требовалось создать логотип, которым Меллер планировал маркировать все работы своего подопечного. Имя и фамилия Артёма становились брэндом, и это, несомненно, повышало стоимость его фотокартин. Предприимчивый делец Паша Меллер однажды сообразил, что вместо обычной подписи снимка разумнее будет использовать отличительный знак, поскольку очень многие люди легче ведутся на символику.

Для решения данного вопроса они собрались в студии втроём: Меллер, Окунев и Алесь Босевич – компьютерный гений, также работающий на Пашу. После недолгих прений было решено в качестве логотипа использовать изображение остроносой рыбки с поперечными полосками на туловище и красными плавниками. Его планировалось размещать в правом нижнем углу фотокартин. От Алеся требовалось создать логотип окуня таким, чтобы он имел свои особые признаки, которые было бы невозможно или почти невозможно подделать.

Затем они обсудили некоторые вопросы, касающиеся издания фотоальбома, а также оформления фоторабот в электронном и отпечатанном вариантах. Меллер, как видно, не слишком стремился посвящать своих коллег в сферу деятельности, касающуюся сбыта готовой продукции и получения прибыли. Но всё же на кое-какие вопросы ему пришлось дать ответы, из которых можно было сделать вывод, что спрос на шедевры Артёма шагнул далеко за пределы Новосибирска. Поэтому некоторые заказчики желали получить снимки в электронном виде, чтобы потом, задействовав свои возможности, материализовать эти творения. Альбом для выбора заказа им высылался также в электронном виде. По нему вполне можно было судить о художественном уровне работ, но увеличить и сделать полноценные портреты не представлялось возможным, так как Алесь до определённой степени выхолащивал представленные на выбор варианты. И лишь после оплаты заказчик получал оригинал снимка. При этом главным оставалось требование, чтобы приобретённый снимок был уникальным. Одним словом, чтобы ни у одного другого человека на Земле не было ни точно такого же, ни даже отдалённо похожего. Касательно данного условия заказчикам, скорее всего, приходилось полагаться исключительно на Пашину честность.

Когда основные векторы грядущих дел были определены, Меллер отпустил Босевича. Некоторое время он обсуждал с Артёмом разные пустяковые дела. Это было похоже на прелюдию к более важному разговору. Наконец, Паша заговорил о том, что его интересовало на самом деле:

- Тёма, я сбросил тебе номерок блондинки. Ты в WhatsApp заглядывал?
- Да, я видел. Спасибо! – ответил Артём.
- Ну и?..
- Что «ну и»?
- Ты звонил ей?

Ещё три дня назад Артём не придавал бы этому вопросу никакого значения. Но теперь, после разговора с Анжеликой, он на всё смотрел сквозь призму подозрений. С досадой Окунев признался себе, что для этого были веские основания. Нежелание Меллера открыто разговаривать о реальных доходах с продажи фотокартин, а также об объёме и географии этих продаж, вызывало сомнение в честном партнёрстве. Да и сама манера общения со стороны Паши стала выглядеть театрально-фальшивой, на что Артём прежде не обращал внимания.

Можно было бы плюнуть на все эти досадные детали. Без Паши Меллера он до сих пор прозябал бы в нищете. Именно благодаря Паше Артём получил возможность жить в своё удовольствие и при этом регулярно пополнять свой банковский счёт. «Скоро, Тёма, у тебя будет своя хата и крутая тачка», – не раз говорил ему Павел. При таком раскладе можно было не засорять свою голову ненужными вопросами и спокойно жить дальше, но... до поры – до времени, как сказала Анжелика. И ещё она предупреждала о каких-то сюрпризах, которые могут вдруг посыпаться. В свете этих предупреждений скрытность и словесная изворотливость Меллера уже не казались пустяшными и безобидными.

- Нет, ещё не звонил, – сказал Артём.
- Чего так? – полюбопытствовал Павел. – Ты, вроде бы, сам у меня её номер спрашивал.
- Ну, спрашивал. Да вот чего-то вдруг сдулся. Видимо, на Карину израсходовался весь.

По лицу Паши трудно было определить, как он воспринял ответ. Но глаза его напоминали рентгеновский аппарат.

– Ничего, Тёма, восстановишься, – сказал он добродушным голосом. – Ты, главное, не забывай, что в сложной или опасной ситуации тебе есть на кого опереться. Держи меня в курсе своих дел. Так нам обоим будет спокойнее.

– Что-то я не возьму в толк: какие ещё опасные ситуации у меня могут возникнуть? – спросил Артём, изобразив удивление и растерянность. – Мы в чём-то нарушаем закон?

– Нет, но жизнь – сложная штука. Иногда серьёзные проблемы на первый взгляд выглядят довольно привлекательно.

– Постой-постой, Паша! Ты говоришь о ком-то конкретном? Кто может оказаться для нас привлекательной проблемой? Анжелика?

– Не исключено, – Меллер глубоко вздохнул. – Не хочу преждевременно нагнетать обстановку, но... что-то в этой красотке меня настораживает. Будь внимателен с ней. Меньше говори, больше слушай.

– Откуда она взялась?

– Из пены морской, если судить по её внешности. В интернете я периодически публикую объявления, приглашающие красивых женщин на конкурсные фотосессии. Там, понятно, указываю номер, по которому они могут предложить свои услуги. Вот она и предложила.

– А как к тебе попала Карина? Она тебя не напрягает?

– Ты вопросы мечешь очередями, прямо как автомат Калашникова, – сказал Павел. – Нет, Карина не напрягает.

Артём изобразил на лице удивление.

– Странно. Мне показалось, что она тоже из пены морской – судя по внешности.

– Ничего странного, – буркнул Паша. – Она из прозрачной пены.

По его интонации Артём понял, что разговор окончен.

Через несколько дней в студии Меллер вручил Окуневу первый номер альбома и бумажный конверт, в котором лежали деньги.

– Я продал четыре твои работы, – пояснил Павел.

Артём вынул купюры и пересчитал – сто тысяч рублей! Двадцать пять тысяч за один снимок! Однако! В Иркутске за такую сумму ему приходилось пахать полтора месяца и даже больше. Он уже усомнился в справедливости своих подозрений. Получать такие деньги за непыльную работу и считать, что тебя дурачат – несусветная глупость.

Потом настал черёд альбома. Артём бережно взял в руки свой экземпляр. Плотная гляцевая обложка смотрелась великолепно. Девять квадратных букв-печенюшек, плавно уходящих вдаль, составляли название альбома. Они были в разной степени размыты, и лишь сокровенное «ню» выделялось из общего ряда своей резкостью. А под названием красовалась рыба окунь, которой отныне было суждено стать визитной карточкой всех фоторабот Артёма, отобранных для продажи. Что и говорить, Алесь прекрасно справился со своей задачей.

Окунев стал пролистывать страницы, и в груди у него защемило. Его творческие труды, в которые он вложил душу, уходили навсегда к неизвестным людям. Всё, что от них оставалось автору – единственный экземпляр альбома. Что ж, придётся беречь этот экземпляр как зеницу ока.

Паша внимательно наблюдал за его реакцией и, похоже, остался ею доволен. Он дружески похлопал Артёма по плечу и ушёл.

Глава 2. Раздвинутые горизонты

1. Острые ощущения

Отныне единственной темой работ Артёма в студии стала обнажёнка. Кандидатки в фотомодели время от времени приходили сюда и предлагали свои услуги. Девушки старательно демонстрировали свои прелести в различных позах и ракурсах. Меллер и Окунев придирчиво оценивали внешние достоинства претенденток. Часто их взгляды на красоту и привлекательность значительно расходились. Паша внимательно выслушивал мнение своего коллеги, но окончательное решение оставлял за собой. Это обстоятельство серьёзно досаждало и портит настроение. Но работа продолжалась. Из немалого числа желающих позировать отбирались несколько красоток. С ними у Артёма начинались рабочие будни, переходящие время от времени в более тесные отношения.

Вскоре обилие голых женских тел набило оскомину. Хотелось как-то разнообразить свою трудовую деятельность, вернуться хотя бы частично к прежним традиционным портретам, городским и природным пейзажам. Но поскольку Паша ничего не хотел слышать об этом, Артём стал заниматься своим увлечением в свободное время. Вечерами он бродил по городу с личным фотоаппаратом в поисках интересных видов и сюжетов. Объектами его внимания становились фрагменты городских пейзажей, скверы, забавные ситуации и, конечно же, лица людей, на которых в определённые моменты проявлялись глубокие чувства или яркие эмоции. Такие ситуации возникали неожиданно и длились считанные мгновения. Их нужно было как-то уловить, прочувствовать, предугадать. И это необъяснимое, неведомое чувство просыпалось в нём всякий раз, как только Артём брал в руки своё сокровище. К тому же объектив с широким фокусным диапазоном позволял делать снимки издалека, оставаясь практически незаметным для тех, кто попадал в поле зрения фотографа.

Вернувшись в квартиру, Артём садился за компьютер и просматривал результаты своей фотоохоты. Всё, что не соответствовало его личным требованиям и не вызывало резонанса в душе, безжалостно отбраковывалось. Из десятков снимков отбирались единицы, но это были настоящие жемчужины. Особенно впечатляли лица взрослых и детей, случайно попавших в прицел фотоаппарата. Люди не знали, что их снимают, поэтому вели себя вполне свободно и естественно. Радости, восторги, печали, слёзы, смех – всё было настоящим, искренним, без позирования и наигранности.

Впрочем, и с позированием дело обстояло неплохо. Иногда прямо на улице Артём заговаривал с людьми, которые привлекали его внимание своей яркой, интересной или необычной внешностью. Как правило, это были девушки, женщины или молодые и не очень молодые пары. Он объяснял незнакомцам причины своего интереса и предлагал им послужить фотомоделями, обещая сделать высокопрофессиональные портреты и не требуя за это платы. Люди реагировали по-разному. Одни удивлённо переглядывались, пожимали плечами и всё же уходили. Другие просили дать время на раздумье. Третьи давали положительный ответ практически сразу. Охотнее других соглашались пары – мужчина и женщина. При полном отсутствии мужского сопровождения женщины вели себя решительнее, если их было не менее трёх.

В арендуемой квартире, в комнате, представляющей собой мини-студию, Артём закреплял «Никон» на штативе – и начиналось священнодействие, заставляющее его забыть обо всём на свете. По окончании работы он демонстрировал своим случайным фотомоделям результаты съёмки, пролистывая снимки на компьютере. Как правило, на гостей просмотр производил яркое впечатление. Не в силах сдержать эмоции, люди говорили, что не ожидали ничего подобного, что сами даже не подозревали в себе такой привлекательности. Они горячо и от души

благодарили фотографа. Для Артёма это были минуты истинного счастья. Он обещал всем запечатлённым разослать их портреты на электронные адреса, которые они ему сообщали, и с удовольствием выполнял своё обещание.

Он не ставил Пашу в известность о своих несанкционированных фотосессиях. Да и при чём тут был Паша? Артём занимался своим любимым делом, занимался для души. И не был обязан перед кем-то отчитываться. Однако у Меллера на этот счёт оказалось другое мнение. Однажды он сказал с недовольством:

– До меня дошла информация, что ты водишь домой случайных людей. Мне это не нравится.

– Эти люди ничуть не хуже тех тёлочек, которых я периодически снимаю голыми в студии, а затем «снимаю» в другом смысле этого слова и тащу в кровать, расположенную в спальне твоей квартиры, – возразил Артём. – Но ты почему-то против этих распутных девок ничего не имеешь.

– Тёма, я не обязан тебе что-то объяснять, – медленно, почти по слогам произнёс Меллер, буравя собеседника холодным взглядом. – Однако запомни: с некоторых пор всеми твоими работами распоряжаюсь я. Кто платит, тот и заказывает музыку. Поэтому ни на побочные заработки, ни на щедрые подарки ты не имеешь права, не согласовав эти вопросы со мной.

– Кто тебе сказал про то, что я кого-то вожу домой?

– Не будь ребёнком.

– Ладно, понял: бережёшь агентуру. Но есть ещё вопрос: откуда ты узнал, что я там провожу фотосессии?

Паша отвёл взгляд в сторону.

– От верблюда, – проворчал он.

– Это не ответ, – тут же вцепился в него Артём. – Я могу понять, что кто-то наблюдал за мной и докладывал тебе. Но как он мог узнать про то, что происходит в квартире?

– Чёрт возьми, да очень просто! – вдруг взорвался Меллер. – Каждый раз при тебе был фотоаппарат. Короче, всё: точки расставили, тему закрыли.

Можно было ещё поспорить с шефом. Ведь свою любительскую деятельность Окунев развернул лишь потому, что в студии Паша прикрыл все работы с классическими портретами, переключив всё внимание на эротические снимки. Но сейчас Артёма волновало не это. Посеянные Анжеликой сомнения вновь зашевелились в его душе.

После той нервной встречи и не слишком удачной ночи они ни разу не виделись и не созванивались, хотя прошло уже почти два месяца. Тогда Артёму никак не удавалось расслабиться, пока он не напился. Накачавшись коньяком, он немного успокоился, но настроение не улучшилось. Глухое раздражение продолжало будоражить душу. Лица, обрушив на кавалера свои женские чары и ласку, пыталась вернуть его в состояние душевного равновесия, и в некоторой степени ей это удалось. Благодаря её стараниям Артём не потерпел в ту ночь полное фиаско.

Утром она отвезла его до дома, не заезжая во двор. Высадила у кромки тротуара. Перед расставанием сказала:

– Когда возникнут проблемы, непременно позвони мне. Буду ждать твоего звонка.

Она так и сказала: «когда возникнут», а не «если возникнут». Эта фраза вновь поселила в душе Артёма смутную тревогу.

Однако его растревоженная душа быстро успокоилась, когда Паша Меллер вдвое увеличил оплату каждого снимка. Фотокартины обнажённых женщин, помеченные в правом нижнем углу замысловатой рыбкой, пользовались спросом и, судя по всему, высоко ценились. Банковский счёт Артёма стал увеличиваться значительно быстрее, хотя он продолжал жить, ни в чём себе не отказывая. Окунев пришёл к выводу, что Паша с ним достаточно честен, а все мутные разговоры на его счёт являются либо мышинной вознёй, либо глупым розыгрышем. Даже если

Меллер где-то в чём-то хитрит и финтит, то какое ему, Артёму, дело до всего этого? Он получает хороший заработок, а остальное его не касается. Меньше знаешь – крепче спишь.

Но вот сегодня опять появился повод для сомнения. Вернувшись домой, Артём тщательно осмотрел всю квартиру, но ни жучков, ни камер не обнаружил. Однако душа на этом не успокоилась. Он решил, что при таком тёмном и непонятном раскладе нужно сделать единственно правильный шаг – срочно сменить жильё. Сбережения позволяли обзавестись пусть не слишком большой, но собственной квартирой. Правда, пришлось бы немного повременить со сменой автомобиля.

Меллер, узнав о его решении, сказал:

– Не глупи, Тёма. Сейчас ты приличную хату в Новосибирске не возьмёшь. Потерпи чуток. Скоро к нам такие бабки потекут, какие тебе и не снились. Ещё малость подкопишь и сможешь выбрать себе приличные апартаменты. А если ты взбрыкнул из-за разногласий по поводу съёмки в моей квартире, то я готов пойти на уступки. Как говорится, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Хочешь заниматься классикой – занимайся. Хоть дома, хоть в студии. Я не стану возражать, если твоё хобби будет не в ущерб работе.

В его словах, несомненно, был резон. Как бы не хотелось Артёму поскорее сменить жилище, всё же он решил повременить. Вечером на всякий случай ещё раз провёл обыск в квартире – и вновь безрезультатно. Он уже не знал, что думать и кому верить. Окунев сел на кровать, с грустью и тревогой размышляя от том, что у него начинает развиваться паранойя.

* * *

В середине августа неожиданно произошло неприятное событие. Артём готовил съёмочную аппаратуру и освещение, а модель только что пришла и даже не успела раздеться, как в помещение вторглись четверо незнакомцев. Невысокий мужчина средних лет и его молодая спутница по-хозяйски вошли в студию в сопровождении двух верзил с бандитскими лицами. Бросив небрежный взгляд в сторону застывшей в растерянности фотомодели, невысокий главарь этой живописной компании небрежно цыкнул:

– Кыш отсюда!

Он вальяжно уселся на стул, ритмично похлопывая пальцами по колену. Девушка ещё больше ступсывалась, вопросительно глядя на фотографа.

– Тебе повторить? – грозно рявкнул один из верзил, и она пробкой выскочила из помещения.

– В чём дело? – спросил Артём.

Тут же второй амбал сгрёб ворот его рубашки мощной пятернёй.

– Не вякай, пока тебя не спросили.

– Отцепись! – со злостью сказал Артём, безуспешно пытаясь освободить воротник. – Да отцепись ты!

Хозяин жестом приказал своему псу отпустить жертву, и тот послушно выполнил команду.

– Слушай внимательно, – сказал невысокий. – Это моя девушка, – он кивком указал на спутницу. – Сейчас ты сделаешь её портреты. Мне сказали, что ты непревзойдённый мастер. Поэтому смотри, не разочаруй меня.

– Я не полномочен решать такие вопросы, – хмуро отозвался Артём. – У меня есть свой начальник. С ним договаривайтесь.

– Ты чё, не понял? – верзила вновь хотел схватить Артёма, но он увернулся и отскочил на безопасное расстояние.

– Ты, парень, и в самом деле чего-то не понимаешь, – изрёк босс с ленивым презрением. – Я таких ершистых враз успокаиваю. Запомни: ты – никто. Тебе сказали делать – делай!

В груди у Артёма кипело от негодования. Ситуация была серьёзной, и он не знал, как из неё выйти, не нарвавшись на большие неприятности. Фотографировать смазливую куклу при таком хамском обращении было противно до тошноты, но отказ мог привести к непредсказуемым последствиям.

– Я могу хотя бы позвонить? – спросил он.

Верзила тут же метнулся к нему.

– Я тебе щас позвоню!

В этот момент в студию стремительно вошёл Меллер.

– Стоп-стоп, друзья! – воскликнул он и, обращаясь к главному, спросил: – Боря, что тут происходит?

– Ты, Пауль, распустил своего пацана, – ответил Боря развязным тоном. – Не умеет себя вести с уважаемым человеком.

– Ты не прав, ей-богу не прав, – торопливо затараторил Паша. – Ну, сам подумай: откуда ему было знать, кто ты? Сейчас мы устраним все недоразумения, – он обратил взор на Окунева. – Тёма, готовь всё необходимое для съёмки.

– Шустрей давай, мозгляк! – распорядился командирским голосом незванный гость.

Павел сокрушённо покачал головой.

– Ай-ай-ай! Ну что ты, Боря, делаешь? Артём – фотограф от Бога. Тонкая творческая натура. От его настроения напрямую зависит качество работы. А ты ему в душу плюёшь. И какого результата ты ждёшь после этого?

Бандит Боря слегка задумался.

– Ладно, забыли, – он поднялся, вынул из кармана пятитысячную купюру и бросил её на стул. – Это тебе за моральный ущерб, художник. В общем, оставляю Лёлю на твоё попечение. Сделай всё по уму. Но не вздумай лапы распускать. Тронешь хотя бы пальцем – я тебе кое-что отрежу. Понял?

Он повернулся и в сопровождении верзил вышел из студии.

– Понял, – пробормотал Артём ему вслед. – Наверное, палец.

Меллер подошёл к нему и заговорил извиняющимся голосом:

– Ты, Тёма, успокойся. Понимаю, как тебе обидно и досадно. Постарайся совладать с настроением. Что делать, с такими людьми приходится считаться. А сейчас забудь про Борю. Ты не его будешь снимать, а девушку. Посмотри, какая она хорошенькая! И ни в чём не виновата перед тобой.

Девчонка, которую бандит назвал Лёлей, ни то улыбнулась, ни то ухмыльнулась.

– Всё, друзья мои, не буду вам мешать, – сказал Паша и торопливо ушёл.

Когда они остались наедине, девчонка спросила всё с той же полу-ухмылкой:

– Куда мне пройти?

Артём молча махнул рукой, указывая на место для фотомодели. Она неторопливо прошла, повернулась к нему лицом.

– Какую позу принять?

– Какую хочешь, – хмуро отозвался он.

Лёля перестала улыбаться.

– Я не поняла: ты собираешься делать настоящий портрет или пытаешься просто отмазаться?

Он оглядел её с ног до головы.

– А ты хочешь, чтобы я сделал настоящий портрет?

– Разумеется.

– Тогда какого чёрта пришла в драных джинсах и клетчатой рубашке?

Артём ожидал от неё ответную грубость, но девушка заговорила неожиданно мягко и доброжелательно:

– Ладно, чего там. Я ведь всё понимаю: наплевал тебе Борька в душу. Ну и чёрт с ним! Сейчас его здесь нет. А мне ты нравишься. И я не хочу с тобой ссориться.

Манёвр сработал. Настроение у Артёма не слишком улучшилось, но и неприязни к незваной посетительнице заметно поубавилось. Он принялся за работу, привычно с головой погружаясь в процесс. Девушка оказалась толковой и буквально схватывала на лету всё, что ей говорил фотограф. Перед камерой она держалась свободно. Артём делал снимки с разных положений, менял освещение, советовал модели принять ту или иную позу. Творческий азарт полностью захватил его. Он уже не сомневался, что фотографии получатся в самом лучшем виде.

Спустя сорок минут Артём объявил, что сеанс окончен. Слегка устав от интенсивной работы, он присел на стул, предварительно смахнув на пол пятитысячную подачку. Лёля вдруг начала раздеваться.

– Эй, ты чего делаешь? – воскликнул он удивлённо.

– Пофотай меня нагишом, – попросила она, продолжая сбрасывать с себя одежду.

– Нет-нет! – запротестовал Артём. – Быстро одевайся, иначе мне твой Борька глаза выколлет.

Но она уже закончила обнажаться. Кошачьей походкой подошла к Окуневу, положила руки на плечи.

– Хорошо, не будем снимать эротику. Можем заняться чем-нибудь другим. Я тебе уже говорила, что ты мне нравишься. А как я тебе?

Выглядела она соблазнительно. Артём вдруг почувствовал сильное волнение. Но к привычному возбуждению примешивалось менее приятное чувство. При нынешнем положении вещей любовный роман мог быстро превратиться в триллер или хоррор. Окунев уже хотел дать решительный отказ, но девчонка вдруг прижала палец к его губам.

– Ничего не говори, – прошептала она. – Лучше послушай, что я скажу. Борька тебя сегодня обидел. Разве ты не хочешь поквитаться с ним? У тебя есть такая возможность. Я охотно помогу тебе отомстить. Он об этом ничего не узнает. Зато мы с тобой будем знать и злорадствовать.

Артём смотрел на неё, потрясённый таким предложением.

– А ты не провокатор? – спросил он.

Она засмеялась.

– Ага, испугался! Нет, я не провокатор, а любительница красивых и интеллигентных мужчин.

– Да, судя по твоему приятелю, – сказал Артём с сарказмом. – Извини, дорогая, но я не ищу приключений на одно место и рисковать не хочу. Для меня твоя затея может плохо закончиться.

– Это может плохо закончиться и для меня. Я тоже рискую.

– И ради чего?

Лёля наклонилась к нему, прикасаясь голым телом, и прошептала на ухо:

– Ради удовольствия. Обожаю острые ощущения. Давай сделаем это прямо здесь, на стуле.

Она начала расстёгивать его брюки. Рассудок говорил Артёму, что при нынешних обстоятельствах не следует поддаваться соблазну. Но он уже знал, что не устоит, уступит настойчивым притязаниям девчонки, потому что в данной ситуации к похоти и страсти примешалось жгучее желание отомстить за унижение.

Бурно начавшийся интим закончился довольно странно и сумбурно. Изображавшая страсть девица вдруг потеряла всякий интерес к партнёру. Она быстро оделась и, ни слова не говоря, покинула студию. Валявшуюся на полу красную банкноту девушка мимоходом под-

няла и сунула в карман своих джинсов. Артём озадаченно смотрел ей вслед. Вместо морального удовлетворения в душе остался неприятный осадок.

На этом странности не закончились. Артём позвонил Меллеру и спросил, когда он придет за результатами. Паша попросил сбросить снимки на e-mail.

– Фотографии не коммерческие, – объяснил он своё решение. – Нет необходимости шифроваться.

Артём извлёк из аппарата карту памяти и пошёл к компьютеру. Но передумал и положил карту в карман, решив отправить снимки из дома со своего личного ноутбука.

2. Слякоть

За окном медленно кружились редкие снежинки. Едва коснувшись земли, они таяли, оставляя на поверхности мокрые пятнышки. Этих пятнышек становилось всё больше. Они росли, сливались воедино, постепенно превращая поверхность земли в блестящую сырость.

Хмурая, унылая погода отзывалась в душе Артёма таким же хмурым и унылым настроением. Казалось, и там кружат снежинки, оседая на дно души не пушистым белым ковром, а серой слякотью. В работе возник перерыв, поскольку, как объяснил Паша, скопился некоторый задел фотоснимков, а новых заказов пока не поступало. Участвовать в тусовках и подобных междусобойчиках у Артёма не было ни малейшего желания. Тамошняя публика вызывала если не отвращение, то уж точно стойкую неприязнь. Иными словами, делать ничего не хотелось, видеть никого не хотелось, а безделье и одиночество давили на душу тяжело и мучительно.

Послonyaвшись по квартире, Артём вновь стал пролистывать справочник телефона. В числе самых первых контактов по списку значилась Анжелика. Окунев с полминуты смотрел на имя женщины, раздумывая, стоит ли ей звонить, но так и не решился. На то имелось достаточно причин. Во-первых: о чём он будет с ней говорить? Они не общались с того самого июньского утра, когда Лика отвезла его домой после не слишком удачной ночи. Тогда она просила его позвонить, как только возникнут проблемы. Какие проблемы у Артёма сейчас возникли? Умирает от скуки и безделья? Прекрасный повод для звонка! Во-вторых: стоило подумать об Анжелике, как тут же появились сомнения в том, что в квартире нет никаких средств слежения. Нет, звонить ей не следовало. Да и кто она ему? Такая же тёмная лошадка, как и Карина. После той единственной ночи, проведённой сразу после первой эротической фотосессии, с Кариной у Артёма больше не было близких отношений, хотя она пару раз предлагала ему освежить впечатления. Но он находил отговорки, и она отстала. А пару месяцев назад и вовсе исчезла с горизонта. Примерно в это время куда-то запропала Пашина секретарша Нина.

Артём пролистал список до строчки «Рита». В груди остро кольнуло. И сразу все другие женщины отошли на задний план, стали безликим фоном. Рита – вот с кем сейчас он хотел бы поговорить больше всего на свете. Только *теперь* Артём в полной мере осознал, что расставание с женой явилось той чертой, за которой кончилась настоящая жизнь. Всё последующее время он обманывал себя, гордясь своей востребованностью и растущими доходами, глушил тоску пустыми и никчёмными приключениями.

Ему нестерпимо захотелось пообщаться с Ритой. С трепетным волнением в груди Артём сделал вызов. Длинные гудки, казалось, звучали целую вечность. Наконец в трубке послышался знакомый голос:

– Аллю!

Она не знала, кто ей звонит – Артём сменил телефонный номер вскоре после её ухода. И сейчас, услышав голос бывшей жены, он вдруг растерялся, не зная, что сказать.

– Аллю! – повторила Рита.

Он продолжал молчать, сам не понимая причины своей робости. Связь оборвалась. Артём положил телефон на стол и задумался. Что с ним происходит? Почему разговор с женщиной, которую он продолжал любить, оказался для него таким трудным делом?

Он понял, чего подспудно боялся: а что, если Рита вышла замуж? Почему он сразу не учёл такую вероятность? Ведь последний раз Окунев слышал о Рите от Максима ещё в июне. С тех пор прошло четыре месяца. От этих мыслей на душе стало ещё тоскливее. Артём решил немедленно позвонить Залесову и вытянуть из него всё, что он знает о его бывшей жене.

Максим обрадовался звонку. Однако по поводу Риты не мог ничего сообщить.

– Лично мне ничего не известно об этом, – сказал он. – Но я могу спросить у Кати. Они общаются по телефону.

– Почему по телефону, – удивился Артём.

– Потому что мы уехали из Иркутска. Ещё в июле.

– Уехали?! Куда?

Максим засмеялся.

– В Захолустное. Помнишь такое?

Артём судорожно вздохнул. Помнит ли он такое? Да разве можно забыть! Тогда, в тёплый летний день, они вчетвером поехали на автобусе из Иркутска на берег Байкала в селение с гордым названием Большое Голоустное. Для мизерного населённого пункта, в котором проживало всего-то шестьсот человек, слово «большое» в названии звучало весьма забавно. И Катя быстро переименовала его в Большое Захолустное. Многие местные жители по-доброму отнеслись к четвёрке приезжих весельчаков. С некоторыми даже сложились приятельские отношения. А смешливый и приветливый бурят Жамба, вполне оправдывающий своё имя, которое в переводе на русский означает «доброта», полдня за незначительную плату катал гостей на своей моторной лодке вдоль побережья озера. В тот день Максим и Артём нащёлкали множество снимков.

Когда вернулись в посёлок, Жамба выпрыгнул из лодки и помог девушкам сойти на берег. Артём выходил из лодки последним. Бурят поймал его за руку и негромко сказал, кивнув в сторону Риты:

– Хорошая девушка. Очень хорошая. Потеряешь – дурак будешь.

Окунев засмеялся.

– Не потеряю. Даже не надейся.

Он догнал Риту, обнял её одной рукой, и они побрели дальше.

– Чем ты там занимаешься? – спросил он, с трудом подавив приступ ностальгии.

– Летом катал туристов и фотографировал их в живописных местах, – сказал Максим. – У меня теперь есть небольшой катер. Старенький, но ещё довольно крепкий. Мы с Катюшей продали свою квартиру в Иркутске. Здесь, в Голоустном, нам этих денег хватило и на дом, и на катер. Да ещё в запасе кое-что осталось. Так что будем живы – не помрём. Сейчас ищу себе работу на зиму. Что-нибудь придумаю.

– Со скуки помереть не боишься? Народу-то там – раз-два и обчёлся.

– Народу мало, да, почитай, все свои. А много ли у тебя своих в твоём мегаполисе? Мне даже Иркутск стал казаться муравейником, где все куда-то бегут, снуют, суетятся. А что говорить про Новосибирск? Ладно, чего это я... Лучше расскажи, как там твои дела?

«Как мои дела? – подумал Артём. – Хреновы мои дела. Ведь и в самом деле: народу вокруг полно, да все чужие».

– Нормально, – сказал он. – Тужить мне не о чем.

– Мне кое-что непонятно, Артёмка, – осторожно заговорил Залесов. – Ты вот меня про Риту спрашивал. Но ведь мог же узнать о ней от своих родителей. Неужели до сих пор не общаешься с ними?

Артём словно физически ощутил в груди тяжёлый камень.

– Верно, – сказал он. – До сих пор не общаюсь.

– Слушай, так нельзя! – сердито воскликнул Максим. – Что за детство?! Мозги ему вынесли! Виноват – вот и вынесли. Долго ты собираешься обидки держать на родных людей?

– Дело не в обидках, Макс. Не знаю, как тебе объяснить. Что-то происходит со мной. А что именно происходит – понять не могу. Вроде бы всё есть, ни в чём нужды не знаю – живи и радуйся. А внутри пусто.

– Это у тебя называется «тужить не о чем»? Я объясню, отчего тебе пусто: оттого, что нити в прошлое оборвал. С самыми близкими людьми не общаешься, а это, извини, полный идиотизм. Короче, так: прямо сейчас мы с тобой заканчиваем разговор, и ты сразу звонишь матери или отцу – как тебе больше нравится. Налаживай отношения. Глядишь, и жизнь смыслом наполнится. Ну всё, друг, пока!

– Пока!

Связь прервалась. Но Артём ещё долго вышагивал по квартире, прежде чем решился набрать номер матери. Наконец, насмелился и сделал вызов. Услышав её голос, сказал:

– Мама, это я.

– Тёма! Тёмочка! – в трубке послышался плач. – Сынок, с тобой всё в порядке? Мы тут совсем извелись. Дозвониться не можем. И от тебя никак не дождёмся звонка. Уже не знали, что и думать.

– Со мной всё в порядке, мама, – ответил он, чувствуя, как горло сдавливает спазм.

– Я понимаю, сынок, обидели мы тебя. Ты уж прости нас, не совладали с чувствами. Очень уж Риточка нам полюбилась. Вот и не сдержались.

– Мама, вы с отцом ни в чём передо мной не провинились. Это я должен просить у вас прощения, потому что сам во всём виноват – и перед вами, и перед Ритой. Всё, что вы мне сказали, абсолютно правильно.

Они проговорили ещё не менее часа. Мать понемногу успокоилась. Она говорила, что очень соскучилась, и спрашивала, когда сын сможет приехать. Артём обещал сделать это, как только появится такая возможность. Рита, как выяснилось, замуж не вышла. Три или четыре раза она заглядывала к ним в гости. Внешне выглядела бодрой и весёлой. А вот встречалась ли она с кем-то, того мать не знала. И ещё она сообщила радостную весть: они с отцом успели оформить пенсии до того, как власти подняли пенсионный возраст. Отец продолжает работать, а вот её недавно сократили.

Под впечатлением разговоров – сначала со старым другом, а затем с матерью – Артём сел за компьютер и стал пролистывать фотографии, сделанные в той не слишком далёкой, но, казалось, совсем другой жизни. Вот его ещё детские фотоснимки, снятые плёночным фотоаппаратом и позже оцифрованные. На них запечатлены друзья, одноклассники, соседи и, конечно же, родители – совсем ещё молодые. А вот уже более поздние фотографии. Пожалуй, самый яркий и насыщенный событиями период – работа в редакции журнала. Командировки, встречи, бесшабашное веселье. Это были настоящие, добрые, человеческие отношения. Настоящая дружба. И самое главное – любовь. Не было денег, но зато и разговоров о них практически тоже не было. Сейчас-то у него есть деньги, много денег. Но, увы, больше нет тех простых человеческих радостей, не имеющих денежного эквивалента. Артём с грустью и тоской разглядывал фотографии, с которых на него смотрели добрые, светлые лица друзей. И ещё фотографии Риты, сделанные с особым старанием и душевным трепетом.

Закончив просмотр, Артём позвонил Меллеру.

– Паша, поклянись, что ты не знаешь о том, кто сообщил Рите о моих изменах.

– Ты чего всполошился? – удивился тот. – Столько времени прошло. Прошлое осталось в прошлом.

– Не для меня. Отвечай: знаешь или нет?

– Знаю, Тёма. Теперь знаю, – со вздохом проговорил Павел. – А раньше мне, ей-богу, ничего не было известно.

– Ну и?..

– Нинка пару месяцев назад проболталась случайно, что это её работа. Я её, заразу, тут же уволил. Мне нужна спокойная обстановка, а не интриги.

– Нинка? – удивлённо спросил Артём. – Разве она общалась с моей женой? Мне казалось, что они вовсе не знакомы.

– А вот этот вопрос не ко мне, – парировал Паша. – Я не любитель разбираться в бабских кознях.

Закончив разговор, Артём задумался. Нина – надо же! Кто бы мог подумать?! Бред какой-то... Он машинально бродил по квартире, пытаясь уложить в голове полученную информацию. Но другой на данный момент не имелось, а проверить достоверность этой не было возможности.

Чтобы чем-то себя занять и отвлечься от нежелательных дум, он вновь уселся за компьютер, открыл интернет и стал просматривать образцы фототехники, выпущенные в последнее время. С удивлением обнаружил, что в продажу поступили аппараты нового поколения, оборудованные электронными видеоискателями. Судя по предоставленной информации, новинки имели ряд неоспоримых преимуществ перед традиционными зеркальными камерами.

Артём решил, что настало время сделать себе любимому подарок в виде нового фотоаппарата профессионального уровня, благо такая возможность теперь у него была. Сев за руль своего «Лансера», он объехал несколько магазинов электроники и, наконец, нашёл то, что устроило его по всем техническим параметрам и внешнему виду. Цена в сто пятьдесят тысяч рублей теперь не казалась Артёму большой. Домой он привёз новенький «Olympus OM-D» с мощным объективом.

* * *

Ближе к вечеру Меллер позвонил сам и сказал, чтобы Окунев к девятнадцати ноль-ноль подъехал к ресторану «Северное сияние» в «приличном прикиде». Намечалась какая-то важная встреча, на которой ему следовало присутствовать. Это вызвало у Артёма удивление, поскольку прежде Паша ни на какие деловые встречи его не приглашал. Он тщательно побрился, надел дорогой костюм, накинул куртку и к назначенному времени на такси прибыл к ресторану. Паша ждал его у входа.

– Что стряслось? – спросил Артём, когда они поднимались по лестнице.

– Не спеши, – сказал Меллер. – У нас в запасе есть полчаса. Сейчас всё объясню.

Он провёл Артёма к столику, указал рукой на стул. Сам расположился напротив.

– Дело вот в чём. Настало время раздвинуть горизонты нашей деятельности. Есть люди, как бы это сказать, с определёнными наклонностями. И у этих людей есть деньги. Большие деньги. Наша задача – вызвать у них желание поделиться с нами частью своих финансов. Точнее, они уже готовы поделиться. От нас требуется всего лишь не отбить это желание. Разумеешь?

– Догадываюсь, – мрачно отозвался Артём. – Кажется, речь идёт о порнухе. Каким-то извращенцам захотелось иметь у себя скабрёзные фотографии, украшенные модным логотипом.

– Некоторые эпитеты я бы заменил, но в целом ты всё понял правильно, – сказал Павел. – Меня, честно говоря, мало интересует мотивация этих людей, и я не знаю, что их больше привлекает: качество твоих работ или престижная рыбка в правом нижнем углу. Меня интересуют деньги, которые они готовы платить. А платить они готовы такие суммы, что о брезгливости и щепетильности надо забыть напрочь.

– Ладно, суть дела мне понятна, хотя и крайне неприятна. Мне уже обнажёнка набила оскомину, а ты подбрасываешь тему ещё похлеще. Но я не понимаю, зачем ты меня сюда пригласил. Хочешь познакомить с заказчиками? Для чего?

Меллер засмеялся.

– Нет, Тёма, я хочу тебя познакомить с другими людьми. Ты же понимаешь, что наша новая деятельность будет иметь специфический характер. Следовательно, для неё потребуется специфический материал. Его надо где-то брать. Объявление в интернете для таких целей

совершенно не подходит. Я вышел на контакт со специалистами в этой области, готовыми предоставить то, что нам нужно. Скоро парни будут здесь. Посидим, обговорим кое-какие мелочи. А потом ты вместе с ними посетишь их студию и выберешь подходящих для съёмки актёров.

– Почему я?! – сердито воскликнул Артём. – До сих пор организационными делами занимался исключительно ты. Меня даже близко не подпускал. Что изменилось на этот раз?

– Изменилось то, что данная тематика имеет свои особенности, – спокойно ответил Павел, не обращая внимания на эмоции собеседника. – Ты там пообщаешься со спецами, выяснишь все необходимые нюансы. Кроме того, понаблюдаешь за рабочим процессом и будешь иметь наглядное представление.

Новое направление в работе абсолютно не нравилось Артёму, а после телефонных разговоров с Максимом и матерью и вовсе вызывало отвращение. Но, как сказал Паша, здесь пахло большими деньгами. А это означало, что спорить и сопротивляться не имело смысла. Без серьёзного конфликта вряд ли можно было обойтись. Поразмыслив над этим, Артём пришёл к выводу, что придётся хотя бы временно уступить. Если оплата работ существенно увеличится, значит раньше появится возможность обзавестись приличной квартирой. А потом уже можно будет ставить свои условия.

Но ехать с порно-дельцами в их студию набираться опыта Артём категорически не хотел. И дело было не только в том, что от одной мысли об этом становилось противно. Что-то странное, тёмное и тревожное ощущалось в Пашином задании. Артём и сам не смог бы объяснить, что его настораживало. Он чувствовал смутную опасность на уровне подсознания, интуитивно. Как раз эту его способность подчёркивала Анжелика.

– Я не вижу необходимости ехать в порностудию, – заявил Артём категорично. – У кого и чему я должен учиться? У меня свой взгляд и свой стиль. И своё чутьё на работу, которое меня ещё ни разу не подводило. А что касательно подбора моделей, так в этом вопросе ты всегда полагаешься исключительно на собственный вкус. Моё мнение тебя мало интересовало.

Меллер наклонился к нему через стол и сказал сердито:

– Артём, не дури! Это не просьба, а задание, которое ты обязан выполнить.

Окунев также наклонился ему навстречу.

– У меня есть лишь одно обязательство перед тобой – делать хорошие фотографии. Для этого мне не надо куда-то ехать.

С полминуты Павел пристально смотрел на него, словно что-то прикидывая в уме.

– Ладно, пусть будет по-твоему, – сказал он наконец. – В таком случае, я не вижу необходимости в твоём присутствии. Можешь сваливать.

Окунев поднялся и пошёл к выходу. На лестнице ему навстречу попались двое молодых мужчин, лица которых показались Артёму крайне неприятными.

* * *

Поначалу для порно-сессии Меллер планировал установить кровать, но Артём убедил его, что можно обойтись кушеткой и что на качестве снимков это никак не отразится. Незадолго до начала работ двое незнакомых парней внесли кушетку в студию и поставили её на место, на которое указал им фотограф. Он продолжал крутиться возле съёмочной аппаратуры, хотя в этом уже отпала необходимость – всё было готово для работы.

– Ты закончил? – спросил Паша.

– Да, – коротко ответил Артём.

– Это хорошо. Секс-бомбы, наверное, уже истомились в машине. Сейчас я их пришлю сюда.

– Присылай.

Меллер внимательно пригляделся к своему подопечному.

– Что-то мне не нравится твоё настроение, – сказал он с ноткой недовольства. – Давай-ка, Тёма, отбрасывай свой гонор в сторонку. Берись за работу всерьёз. И смотри: без фокусов!

– Без фокусов не получится, – возразил Артём. – Резкости не будет.

– Чего? – Павел непонимающе смотрел на него, потом сообразил, о чём речь. – Ясно: каламбуришь, фокусник. Ну что ж, если способен шутить, значит, не безнадёжен. Ладно, хватит балагурить. Настраивайся на работу. Да, чуть не забыл. Есть кое-какие пожелания от заказчика. Надо снять крупным планом непосредственно причиндалы в процессе их соития. Сделай несколько разных вариантов – добросовестно и с душой. Чтобы и здесь, как в твоих прежних картинах, просвечивали профессионализм и божий дар фотографа. Вечером загляну к тебе за результатом. Ферштейн?

– Я-я. Будет тебе чертовщина с божьим даром.

Меллер ушёл. Вскоре в студии появились трое: крепкий парень лет двадцати пяти и две девицы примерно того же возраста. Держались они подчёркнуто независимо и даже вальяжно. Девицы с интересом разглядывали Артёма. Парень, взглянув на мрачную физиономию фотографа, снисходительно изрёк:

– Не тушуйся, братан! Расслабься. Мы в своём деле асы. Слушай нас, и всё будет в ажуре.

– Значит, так, – прервал его Артём. – Никакой самодеятельности. Делать будете то, что я скажу, и так, как я скажу. Если кто считает иначе, может быть свободен.

«Секс-бомбы», как назвал их Паша, с ухмылками переглянулись и стали снимать одежду, обнажая тела, богато разрисованные татуировками.

Вечером, закончив обработку фотографий, Артём позвонил Меллеру. Паша примчался довольно быстро. Он просто сгорал от нетерпения и даже не пытался это скрывать. Пролитав выбранные и обработанные экземпляры, он некоторое время сидел молча и неподвижно. Артём даже начал думать, что его шеф разочарован. Но Паша вдруг повернулся с радостным лицом и сказал:

– Тёма, ты просто молодчина! У меня слов нет! Сделано как всегда – на высшем уровне. Ты гениальный фотограф!

– Теперь будет правильное сказать: генитальный, – хмуро отозвался Артём. – В общем-то, мне шибко упираться не пришлось. Ребята оказались асами в своём деле. Всё шло как по маслу. Девочки раздвигали горизонты, а парень в романтических порывах стремился то к одному горизонту, то к другому.

Паша посмотрел на него с прищуром.

– Не понимаю я тебя. Ей-богу, не понимаю. Чем ты недоволен, дурачок? Это же золотое дно! По сравнению с твоим нищим прошлым ты, можно сказать, купаешься в деньгах. Да ещё регулярно к твоим услугам свежие девочки.

– Ну, скажем, девочки сегодня были далеко не первой свежести, – Артём вздохнул. – Знаешь, Паша, я впервые за всё время смотрел на голых женщин и не испытывал ни малейшего желания. Скорее, наоборот. Причём настолько «наоборот», что меня едва не стошнило.

– Значит, тебе придётся во время работы отключать свои чувства, – сказал Меллер, убрав с лица напускное добродушие. – Я эту золотую жилу обрывать не собираюсь. Она, кстати, и для тебя золотая. Новая тема поднимет твой доход на новый уровень. Ты, Тёма, постарайся уяснить одну простую вещь. Я готов идти на уступки, но при условии, что твои капризы не бьют по моим интересам. То бишь в исключительных случаях. Поэтому очень советую ценить моё доброе отношение и не злоупотреблять им.

Монолог прозвучал как предупреждение. Вступать в пререкания не имело смысла. Меллер тем временем перенёс на флэшку папку со снимками, предназначенными для продажи.

– Всё, что осталось на компе, удалишь сам, – сказал он, вставая.

– С превеликой радостью, – ответил Артём.

Паша ещё раз окинул его пристальным взглядом.

– Не нравится мне твоё настроение. Ой, не нравится!

С этими словами он повернулся и ушёл. Заперев за ним дверь, Артём вернулся в комнату и стёр с жёсткого диска все снимки, сделанные сегодня в студии. Потом он долго сидел, размышляя о том, как ему поступить в дальнейшем. В конце концов, пришёл к выводу, что в любой момент может отказаться от неприятной работы. Просто не следует дёргаться раньше времени. Одну порно-сессию он уже провёл. И, если верить Пашиным словам, за эти снимки причитались приличные деньги. Глупо от них отказываться. Стало быть, следует немного подождать. Пусть Паша продаст что-нибудь и заплатит Артёму его долю. Вот тогда можно будет делать резкие движения.

* * *

Пару дней было полное затишье. Артём болтался по городу или сидел дома за компьютером, блуждая по интернету. Уже не хотелось, как было летом, ловить в объектив лица незнакомых людей или колдовать над их портретами в домашней обстановке. Два персональных фотоаппарата без дела лежали в шкафу. Душа ни к чему не лежала. Но об этом даже думать не хотелось. И без того промозглая погода поздней осени нагоняла тоску. Но и не думать было нельзя. Артём понимал, что в его душе происходят какие-то необратимые процессы. И он всё больше склонялся к тому, что пора делать в жизни крутой поворот.

На третий день позвонил Меллер и бодрым голосом доложил:

– Артём, я продал две твои работы. Твоя доля – сто двадцать пять штук... – Паша сделал выразительную паузу, после чего торжественно закончил фразу, – за каждую из них. Ты только представь: двести пятьдесят тысяч рябчиков за две фотки! Ну что, друг, поднял я тебе настроение?

Сумма и в самом деле была ошеломительной. Казалось почти невероятным, что Паше удаётся находить людей, готовых платить астрономические суммы за фотоснимки. Ведь если доля Артёма исчислялась сотнями тысяч, то сколько тогда оседало в Пашином кармане? А ведь ещё какая-то сумма причиталась моделям и компьютерщику. По логике вещей, надо было быть полным идиотом, чтобы отказываться от таких заработков. Да, противно – что с того? Это как на войне бывает после первых удачных выстрелов: стошнит два-три раза, а потом человек привыкает.

«Ну вот, дружок, ты опять засомневался, – с горечью подумал Артём. – Разве не ясно, к чему всё идёт? Паша будет неуклонно „раздвигать горизонты“. Его интересуют только деньги. Ты хочешь стать таким же, как он? Нет, надо забирать причитающуюся сумму и сваливать отсюда».

– Когда я могу забрать свои деньги? – спросил он.

– Хороший вопрос, – похвалил Меллер. – Очень хороший! Видишь ли, Тёма, твой минорный настрой вызвал в моей душе некоторые опасения. Говоря конкретнее, степень доверия к тебе существенно упала. Поэтому отныне свою долю ты будешь получать с задержкой. После каждой последней сессии я буду платить тебе за предпоследнюю. Как говорил персонаж одной популярной сказки: «Ты улавливаешь суть?».

Суть-то была предельно ясна. Любая попытка прекратить сотрудничество с Пашей неизбежно обернулась бы для Артёма большими издержками. Над этим обстоятельством следовало хорошо подумать.

– Ты уже наметил очередную сессию? – поинтересовался он.

– Да. На этой неделе.

– А точнее?

– Я сообщу. Ты пока настраивайся.

– На что настраиваться? – проворчал Артём. – Какой сюрприз ты мне подкинешь на этот раз? Надеюсь, не гомиков?

Паша засмеялся.

– Не волнуйся. Мой сюрприз тебя вполне устроит.

– А конкретнее?

– Будет одинокая женщина.

– То есть надо будет сделать обычный эротический портрет? – с надеждой спросил Артём. Но шеф его тут же разочаровал.

– Не совсем так, – сказал он. – Девочка прихватит с собой несколько специфических игрушек. Согласись, что это не худший вариант.

Артём опять задумался. Вариант и в самом деле был не худший. Смущало другое: в очередной раз его позиция пошатнулась. Ладно, ещё на одну фотосессию он может себя настроить. Но потом надо будет определяться окончательно и бесповоротно. А для этого потребуются время и смена обстановки.

– Мне нужен перерыв, – сказал Артём. – Я устал и хочу отдохнуть.

– Да ладно?! – в голосе Меллера явно слышалась насмешка. – Упахался, значит? Устал грести деньги лопатой?

– Я *морально* устал. Хочу сменить обстановку.

– Вот поработаешь с девочкой, а потом отдохнёшь, – пообещал Паша. – Сделаешь дело, и можешь сваливать на пару недель.

– Мне нужен месяц.

– Я уже сказал: сначала поработаешь с девочкой. Потом будем решать все другие вопросы.

В голосе Паши Меллера слышалось недовольство. Теперь у Артёма не оставалось сомнений в том, что отношение босса к нему изменилось явно не в лучшую сторону. Это значило, что ни о каких доверительных, а тем более дружеских отношениях отныне не может быть и речи. Прежде была хотя бы видимость.

3. Трещины

Закончив съёмки «женщины с игрушками» и сделав последующую компьютерную обработку фотографий, Артём традиционно предоставил материалы своему боссу. Паша, как всегда, остался доволен результатами и дал согласие на отпуск. Сторговались на трёх неделях. Вместе с похвалой за последнюю фотосессию Окунев получил от шефа деньги за предыдущую. Меллер был настроен благодушно. Он крепко пожал отпускнику руку и пожелал приятного отдыха. Однако видимое улучшение в отношениях с боссом не могло обмануть его подопечного: между начальником и его работником пробежала трещина. Возможно, эта трещина имела изначально. При всей видимости дружеских отношений они никогда не были на равных. Просто возникшие разногласия всё обострили, обнажили – и трещина стала заметной.

Паша умел пускать пыль в глаза. Проработав с ним вместе более двух с половиной лет, Артём практически ничего не знал о личной жизни своего начальника. Не знал даже Пашиного адреса. И хотя Меллер однажды ввёл Артёма в своё так называемое общество, реальный круг его делового общения оставался неизвестным.

Получив деньги и благословение на отдых, Артём вылетел в Иркутск. Чуть более полутора часов, проведённых в полёте, были посвящены размышлениям о дальнейших планах. И чем дольше он размышлял, тем больше склонялся к мысли, что с недавних пор его ничто не держит в Новосибирске. Купить приличную квартиру в Иркутске было бы значительно дешевле. При этом останутся средства и на новую машину, и на безбедное проживание. А там, глядишь, подвернётся какая-нибудь работа.

Затем он вспомнил о своём друге Максиме Залесове, который предпочёл тихую и спокойную глухомань городскому комфорту. А ведь тоже – чем не вариант: купить себе домишко на берегу Байкала? А ещё лучше построить новый добротный дом и жить в своё удовольствие, наслаждаясь красотой природы. Лазить по горам с фотоаппаратом или раскатывать на лодке по зеркальной поверхности озера – вот она, настоящая жизнь. Пусть не будет больших доходов, как нынче, зато действительность вновь представится в привлекательных видах, а не в тех неприглядных ракурсах, которые Артёма вынуждают видеть в настоящее время. Заработанные за последнюю фотосессию деньги он, конечно, потеряет, если решится на побег. Так ведь и чёрт с ними! По-другому ему никогда не удастся вырваться из этого порочного круга.

В Иркутске уже лежал снег. Артём из аэропорта позвонил матери. Мать сразу заволновалась, засуетилась: что же сын не предупредил заранее? Она бы приготовила ему его любимые блюда. Пришлось долго её успокаивать. Затем Артём поймал такси и поехал к дому, в котором его сейчас с нетерпением ждали. Остановил машину за квартал от дома, чтобы пройти по знакомым дворам. По пути заглянул в супермаркет – не хотел наведаться к родителям с пустыми руками. Там он закупил полный пакет изысканной снеди и бутылку дорогого французского коньяка.

Валентина Сергеевна, мать Артёма, дома находилась одна. Она обнялась с сыном и, всплакнув от радости, сказала:

– Отец сейчас на работе. Я ему сообщила о твоём приезде. Сказал, что отпросится и скоро будет дома. Ты, наверное, голоден? Сейчас покормлю тебя.

– Не волнуйся, я перекусил в аэропорту, – ответил Артём. – Лучше подождём отца и сядем за стол все вместе.

Александр Михайлович прибыл через сорок минут. Он вежливо поздоровался с сыном, пожал ему руку, но от объятий воздержался. По тому напряжению, с каким мать наблюдала

за встречей сына и отца, Артём понял, что между родителями по телефону состоялся непростой разговор.

К моменту приезда главы семьи стол в гостиной был уже накрыт. Мать усадила мужчин, сама заняла место напротив гостя.

– Видишь, Артёмка: любит тебя матушка, – сказал отец, разглядывая большую фигурную бутылку и разнообразие дорогих закусок. – Вон как расщедрилась. Меня она так никогда не баловала.

– Это сынок нас угощает, – с гордостью сообщила Валентина Сергеевна. – Он все эти деликатесы принёс.

Александр Михайлович выразительно дёрнул головой.

– Однако! Ну что же, сын, наливай, коли угощаешь.

Артём наполнил рюмки. В первую очередь выпили за встречу. Потом начались расспросы. Но если мать расспрашивала с искренним и глубоким интересом, то вопросы отца больше походили на дежурную вежливость.

После второго тоста он сказал:

– Добрый коньяк, приятный. Вижу, ты стал разбираться в таких вещах. В деньгах, стало быть, не стеснён?

– Не стеснён, – ответил Артём. – Хотел бы вам помочь финансами, да боюсь: вдруг не примете мою помощь?

– Правильно боишься. Нам твои подачки не нужны.

– Саша! – одёрнула мужа Валентина Сергеевна. – Ты же обещал!..

– А что, Валя, разве мы нищие? – с усмешкой спросил Александр Михайлович. – Живём скромно, зато по совести. Не шикаем и на соблазны не падки.

Он уже не скрывал своего истинного отношения к сыну. От напускного добродушия не осталось и следа. Артём с грустью подумал, что между ним и отцом тоже пробежала трещина, заделать которую будет непросто.

Валентина Сергеевна махнула на мужа рукой.

– Да ну тебя! – сердито сказала она, затем обратилась к сыну: – Ты уж не обижайся на отца, сынок. Он не на тебя сердит, а на твои опрометчивые поступки. Всё забудется, всё уладится.

Александр Михайлович угрюмо засопел. Потом наполнил свою рюмку и молча выпил. Видимо, коньяк ему и в самом деле понравился.

– Ты, главное, не забывай нас, – попросила мать. – Навещай почаще.

– Я как-то подумал... – Артём на секунду замешкался. – В общем, я пока твёрдо не решил, но есть у меня задумка вернуться в Иркутск.

– Куда вернуться? – резко встрепенулся отец. – Квартира теперь Ритина. Даже не помышляй претендовать на неё! Ты напакостил, тебе и расхлёбывать.

– Ну что ты опять взбеленился! – урезонила его мать. – С чего ты взял, что Артём на что-то претендует? Он может поселиться у нас. Раньше ведь жили втроём, и всем хватало места.

– Послушайте меня! – Артём поднял руки, жестом прося внимания. – Я никого не собираюсь теснить. Просто куплю квартиру.

– «Просто куплю квартиру», – озадаченно повторил за ним отец. – Ты слышала, мать? Оказывается, квартиру можно просто купить, – он вновь обратил взор на сына. – Чем ты там занимаешься?

– Фотографирую, Батя. Понимаешь: фотографирую! – жёстко ответил Артём.

Перед поездкой в родной город он настраивал себя не обижаться на родителей и терпеливо выслушивать их нравоучения. Но вот такие наезды с неприкрытой неприязнью со стороны отца очень сильно портили настроение.

– И где можно увидеть твои фотографии? – не унимался Александр Михайлович. – В каких журналах? На каких сайтах?

Выстрел был снайперским, в самую «десятку». Вопреки заверениям Меллера в том, что со временем имя Артёма Окунева займёт своё место среди самых известных фотографов мира, известным он оставался лишь группе неких толстосумов, имеющих специфические наклонности. Но и о них он ничего не знал. Паша крепко держал рычаги в собственных руках. Сначала привлёк к Артёму внимание выставкой работ, а после всё замкнул на себе.

– Я работаю на заказ, – буркнул сын. – Ещё есть вопросы?

– Есть, да уже боюсь спрашивать.

– Вот и не спрашивай! – осадила мужа Валентина Сергеевна. – Прилип к сыну как репейник. Хочешь, чтобы он ещё два года не приезжал?

– Ладно, чего там... – пробурчал отец.

Он взял бутылку и налил себе ещё. Коньяк действительно был хороший.

* * *

Артём поднялся.

– Пойду прогуляюсь.

Из дорожной сумки он извлёк свой «Олимпус» и вышел в прихожую. Мать вышла вслед за ним.

– Потерпи немного, Артёмушка, – попросила она негромко. – Отец тебя любит. Он пока ещё сердится. Но ведь его можно понять. Вспомни, как мы с ним радовались, когда ты познакомил нас со своей будущей невестой. А потом, когда свадьбу сыграли, счастьем нашему не было границ. Отец твой с тех пор к Риточке, кажется, и по имени ни разу не обратился. Всё время: «дочка», «дочка». Да что говорить – чудесная девочка! Светлая! Чистая! – мать тихонько всплакнула. – Сынок, может быть, ещё не поздно всё исправить?

На душе Артёма заскребли кошки.

– Не знаю, мама, – сказал он неуверенно. – Сам много раз думал об этом.

– Но ведь попробовать можно?

– Я думаю, что попробовать *нужно*.

– Вот и славно, – Валентина Сергеевна смахнула с глаз слёзы. – Ну, ступай, ступай. Только не гуляй слишком долго. Зима на дворе.

Совсем как в детстве. Словно он так и не повзрослел. А может быть, и в самом деле не повзрослел? Артём улыбнулся.

– Хорошо, мама.

Он оделся, взял фотоаппарат и, прежде чем выйти, чмокнул мать в щёку.

На дворе немного потеплело. В воздухе кружились редкие крупные снежинки. Похоже, зима пришла, как говорил вождь мирового пролетариата, «всерьёз и надолго». Прогуливаясь по знакомым улицам, любуясь родным городом и вдыхая прохладный воздух начавшейся зимы, Артём укрепился в своём решении вернуться сюда. А коли решил – значит, вернётся. Он приободрился, словно с этой минуты у него началась новая жизнь. Пока жив, всё можно исправить, восстановить, изменить в лучшую сторону. Артём поверил, что ему всё по силам. Да, он непременно всё исправит. Он восстановит всё: прежние связи, отношения с отцом и, если повезёт, семью.

Проснувшийся в душе оптимизм пробудил прежние интересы и увлечения. Артёму вновь захотелось начать «охоту на лица». Он стал внимательно приглядываться к прохожим издали – сквозь прицел мощного объектива фотоаппарата – и быстро вошёл в азарт, забыв о времени. Артём скользил взором по лицам незнакомых людей, в нужный момент выхватывая в толпе

прохожих очаровательную улыбку, задумчивый взгляд, выражение бурной радости или светлой грусти. Душа понемногу возвращалась на место, вбирая в себя покой и умиротворение. Артём уже ни на кого не злился и никого ни в чём не винил. Ни Пашу Меллера, втянувшего его в свой доходный, но грязный бизнес. Ни бывшую Пашину секретаршу Нину, поставившую Риту в известность о похождениях мужа. Он сам во всём виноват. А значит, и обижаться не на кого. И уж тем более нельзя было обижаться на отца, полюбившего невестку как родную дочь.

Тем временем дневной свет стал понемногу тускнеть. Артём взглянул на часы: рабочий день подходил к концу. Он поймал такси и поехал к месту своей прежней работы – к зданию, в котором размещалась редакция глянцевого журнала «Чародей». Отпустив машину, занял укромное место между стволом большого старого дерева и фруктовым ларьком. Отсюда он стал вести наблюдение за парадным входом в здание.

Наконец подошло время. Из дверей поодиночке и группами стали выходить люди. Вскоре Артём увидел бывших коллег. Они вышли дружной толпой, смеясь и оживлённо беседуя. И Рита была среди них. Возле неё крутился долговязый тип, что-то эмоционально рассказывая и явно стараясь всецело завладеть вниманием молодой женщины. Рита его рассеянно слушала, сдержанно улыбаясь, но, судя по всему, думала о чём-то своём.

Кроме долговязого в группе присутствовали ещё два человека, которых Артём не знал – мужчина и женщина. Видимо, эти трое пришли в редакцию журнала на смену Окуневу и чете Залесовых. Подойдя к дороге, группа разделилась на две половины, так как ехать предстояло в разных направлениях. Спутник Риты наклонился и что-то сказал ей. Она отрицательно мотнула головой. Затем, дождавшись зелёного света на пешеходном светофоре, направилась на противоположную сторону дороги. Незадачливый ухажёр немного постоял, глядя ей вслед, потом повернулся и пошёл к своей остановке.

По полосатой дорожке, именуемой в народе «зеброй», Рита приближалась к кромке тротуара. Артём спохватился, что упускает важный момент. Он поднёс «Олимпус» к лицу и торопливо сделал несколько снимков. Рита ступила на тротуар и вдруг замерла на месте, взволнованно поводя взглядом из стороны в сторону. Словно почувствовала что-то. Артём спешно спрятался за ларьком. Он понял, что ещё не готов к разговору с бывшей женой.

* * *

Два последующих дня, проведённые в родных стенах, показались бесконечно долгими. Мать всеми силами старалась создать атмосферу тепла и доброжелательности. В какой-то мере ей это удалось, так как придинок и наездов со стороны отца больше не случалось. Однако и близкие доверительные отношения с ним также не складывались. Установилась вежливая дипломатическая дистанция.

Чтобы чем-то занять время, Артём обзвонил некоторых своих старых друзей, чтобы договориться о встрече. Все они оказались людьми занятыми, обременёнными заботами. Звонку старого товарища, с которым давно не общались, они, конечно же, были рады и изъявили желание встретиться с ним, как только для этого найдётся время. С двумя из них Артём всё же встретился. Посидели в баре, выпили виски – Артём угощал. Поговорили, повспоминали. Каждый что-то рассказал о себе – коротко, лаконично, в общих чертах. И хотя у всех были свои проблемы и неурядицы, но изливать душу никто не хотел или не решался. И Артём также умолчал о своих планах, тревогах и сомнениях, хотя ему очень хотелось услышать мнение близкого человека, почувствовать его поддержку и участие.

Но оставался ещё один друг, самый близкий и надёжный. Тот, с которым можно было спокойно и без оглядки поговорить обо всём, что волновало. Артём позвонил Максиму Залесову и сообщил, что в настоящее время находится в Иркутске. Максим обрадовался звонку.

– Значит, всё же решился навестить предков? Молодец! Ну, а к старому другу наведаться не желаешь?

– Так ведь затем и звоню, – сказал Артём. – Планирую выехать завтра утром, если, конечно, вы с Катей по субботам принимаете гостей.

– Мы, Артёмка, всегда рады гостям, – ответил Максим торжественным голосом. – А ты у нас будешь почётным гостем.

– Ну уж и скажешь – почётным! – усомнился Артём. – Катя, поди, и разговаривать со мной не захочет. Заклеймит как предателя.

Он это сказал полушутя, но Залесов не принял шутки и ответил вполне серьёзно:

– Зря ты так о ней думаешь. Катя любит вас обоих – и тебя, и Риту. Скучает по вам и очень переживает из-за вашего разрыва. Ладно, не будем об этом по телефону трещать. Приедешь, тогда и поговорим обо всём. Позвони, когда билет купишь. Мы тебя встретим.

Артём сказал, что встречать его не нужно. В Большом Голоустном не заблудишься. Да и жители там друг друга знают. Но Максим был непреклонен: они его непременно встретят всем семейством. Иначе какой же он почётный гость?

Утром за завтраком Артём сообщил родителям, что уезжает к другу на пару дней.

– Что же ты опять из дома бежишь? – недовольно спросил отец. – Два года носа не казал, а тут и трёх дней усидеть не можешь.

Артём ответил не сразу. В груди внезапно вспыхнуло раздражение, и его следовало унять.

– Мне нужно кое-что обсудить с другом, – сказал он, немного успокоившись. – Моё положение сейчас непростое, неоднозначное. Хочется поговорить с человеком, готовым понять, поддержать, посоветовать что-то, – Артём посмотрел отцу в глаза. – Я ведь, батя, рассчитывал с тобой по душам побеседовать, совета твоего спросить. Да только вижу: не советчик ты мне.

Александр Михайлович опустил глаза, ничего не ответив. Молча закончил завтрак, поднялся и сказал:

– Спасибо, Валентина! Очень вкусный борщ.

И ушёл в другую комнату. Валентина Сергеевна укоризненно покачала головой.

– Неправ ты, сынок. Ох, неправ! Отец тебя любит и очень волнуется за тебя.

– Что-то я не почувствовал его любви. Ни слова доброго, ни взгляда.

– Просто виду казать не хочет. А сам мучается, переживает. Он, между прочим, до сих пор хранит твои фотоаппараты.

– Какие фотоаппараты? – не сразу сообразил Артём.

– Ну, эти – старые, плёночные, – пояснила мать. – Иногда вытаскивает их из шкафа, разглядывает, поглаживает. А на лице улыбка – грустная такая. И фотографии, которые ты сделал тогда, частенько пролистывает. Смотрит и головой удивлённо покачивает.

То, что Артём сейчас услышал, было для него полной неожиданностью. Выходит, что подвела его на этот раз хваленая интуиция. Он видел недовольное и сердитое лицо отца, слышал насмешку в его голосе, а того, что за этим кроется, не заметил. А ведь ещё каких-то два дня назад обещал себе, что восстановит отношения с отцом.

– Ладно, мам, – сказал он смущённо. – Я постараюсь всё исправить. Но только не сейчас. Мне самому надо войти в равновесие.

– Пусть не сейчас, – согласилась Валентина Сергеевна. – Но непременно исправь. Мы ведь близкие люди. Не будь резким с отцом. Твоя резкость может запасть ему глубоко в душу.

«Ну вот, и тут глубина резкости. Куда от неё деваться? – с грустью подумал Артём. – Одно слово: фотограф».

– Ты что-то отцу про своё непростое положение говорил, – напомнила мать. – Что случилось-то?

– Ничего страшного, – ответил он. – Просто с шефом разошлись во взглядах в одном серьёзном вопросе. Вот я и хотел услышать мнение, кто из нас прав.

– И поэтому решил вернуться в Иркутск?

– Нет. Просто устал от мегаполиса. На родину потянуло.

Валентина Сергеевна недоверчиво посмотрела на сына. Он ободряюще улыбнулся ей и пошёл собираться.

4. Захолустье

Залесовы, как и обещали, встречали гостя всем семейством. Пятилетняя Маша и годовалая Оля с любопытством разглядывали незнакомого дядю. После взаимных приветствий и дружеских объятий хозяева повели Артёма в свои владения. Во дворе дома от самого забора протянулся длинный гараж. В противоположной стороне двора стояла баня, за которой под навесом была выложена в два ряда большая поленница дров.

– Зачем тебе такой ангар? – спросил Артём, указав на гараж. – Никак «Линкольном» обзавёлся?

– Здесь у меня старенькая «Нива» и катерок на прицепе, – пояснил Максим. – От прежнего хозяина достались. Эх, Тёма, поздновато ты приехал. Убрал я катер до весны. А то пока тал бы тебя по озеру.

В доме было тепло. В кирпичной печи потрескивали дрова. В зале хозяйка усадила гостя в кресло и занялась сервировкой стола. Артём принялся извлекать из своей сумки гостинцы, но тут обнаружилось, что в мировоззрении хозяев дома произошли некоторые перемены, о которых он не знал. Чета Залесовых, как выяснилось, три месяца назад решила полностью отказаться от спиртного. Марочный коньяк, привезённый Артёмом, оказался ненужным. Да и в отношении сладостей для детей тоже были установлены серьёзные ограничения. Многие продукты здесь считались вредными и даже опасными. Катя посетовала на мужа, что не предупредил гостя об этом заранее. Однако часть гостинцев была принята к употреблению.

На стене прямо над диваном висели два портрета, сделанные Артёмом во времена работы в журнале. На одном была изображена Катя, а на другом – Рита. Глядя на них, Артём почувствовал, как кольнуло в груди.

– Видишь, Тёма, как тебя здесь ценят? – сказал Максим. – У Кати в распоряжении имеется собственный фотограф. Сколько её фоток наснимал, не сосчитать. А она им всем предпочла портрет, который ты когда-то сделал в редакции.

Катя закончила накрывать и пригласила мужчин за стол. За обедом завязалась оживлённая беседа: поделились новостями, вспомнили прежнее время, когда работали вместе.

– А ты, Артём, так и продолжаешь снимать женские портреты? – спросила Катя.

– Да, продолжаю, – неуверенно сказал он. – Но хочу бросить это занятие.

– Почему? У тебя же классно получается.

– Слишком узкая тематика, – уклончиво ответил Артём. – Хотелось бы её существенно расширить, но не нашёл понимания со стороны шефа.

– Чем планируешь заниматься потом?

– Пока твёрдо не решил. Возможно, вернусь в Иркутск.

– Неплохая мысль, – одобрил Максим. – Кстати, как тебя встретили дома? Наладил отношения с родичами?

– С мамой всё замечательно. А вот с отцом пока ещё сложно. Уже, вроде бы, не кипит, но до конца никак остыть не может.

– Не грусти. Всё образуется. У меня на сегодня намечена культурная программа. Походим с тобой на лыжах. Снегу, правда, ещё маловато, но для обычной прогулки будет достаточно. А потом напаримся в баньке. Забудешь все свои печали.

После застолья Артём предложил хозяевам сделать семейный портрет. Он извлёк из сумки «Олимпус». Фотоаппарат произвёл на Максима огромное впечатление.

– Классная машина! – произнёс он восхищённо. – Судя по всему, очень дорогая. Пожалуй, стоит не меньше сотни.

– Полторы, – сказал Артём. – Это принципиально новая техника. У него электронный видеоискатель.

– Можно взглянуть?

Окунев протянул ему фотоаппарат. Бережно, словно сокровище, Максим взял его в руки и стал разглядывать.

– Да, классная машина, – повторил он. – Один вид чего стоит!

Артём не удержался от улыбки.

– Ты не поверишь: главным образом, из-за внешнего вида и купил. Правда же, красавчик?

– Ещё какой!

Максим вернул аппарат хозяину. Катя тем временем привела ребятшек. Артём рассадил хозяев на диване. Сделал несколько групповых и персональных снимков. Потом мужчины стали собираться на лыжную прогулку. В доме имелись две пары охотничьих лыж. Катины были чуть поменьше размером, но петли для ног можно было регулировать под размер обуви. Для Артёма нашлась пара валенок, которые ему почти подошли по размеру. Уходя, друзья прихватили с собой фотоаппараты. Когда вышли за калитку, Максим спросил:

– Позволишь щёлкнуть пару раз твоим сокровищем?

– Сколько душе угодно, – охотно откликнулся Артём. – Я могу с твоим побродить.

Они поменялись фотоаппаратами, затем продолжили путь. Спустились к Байкалу и прошли вдоль берега до подножья горы, где начиналась лесистая местность. Часто останавливались, чтобы запечатлеть окружающие красоты и друг друга на фоне природы. Дул небольшой ветерок, и холодные волны ещё не застывшего озера лениво набегали на берег, размывая узкую полосу неглубокого снега. Артём с удовольствием оглядывал местность, чувствуя, как душу заполняют покой и умиротворение. Ему тоже захотелось перебраться сюда. Кто знает, может быть, именно в этом месте он сможет найти себя, своё предназначение, душевную гармонию. Но для этого сначала требовалось наладить личную жизнь. А одинокому здесь делать нечего – затоскуешь, волком завоешь.

После трёхчасовой прогулки вернулись в дом. Баня уже была затоплена. В ожидании, когда она нагреется, сели за компьютер, чтобы посмотреть результаты сегодняшних фотосъёмок. Дружно расположились перед монитором. Максим вынул из «Олимпуса» карту памяти и вставил в системный блок. Выждав необходимое время, стал пролистывать снимки в обратном порядке, начиная с последнего. Сначала по экрану прошли чередой фрагменты байкальской природы и портреты Артёма на фоне местных красот.

– Шикарный аппарат! – восторженно говорил Максим. – Гляньте, какое качество! Однако все эти фотки сделаны мною. А теперь – внимание! – переходим к шедеврам нашего гениального гостя.

Ничего гениального от своих снимков Артём не ждал, так как сделаны они были почти наспех, без серьёзной предварительной подготовки. Ему позировали, а он щёлкал кнопкой, стараясь уловить удачный момент. Однако его сомнения оказались напрасными. Персональные и совместные портреты членов семьи Залесовых вызвали у них бурный восторг. Артём и сам видел, что фотографии получились удачно. Каким-то непостижимым образом ему удавалось выхватить из потока времени те мгновения, когда одновременно несколько человек в кадре выглядели наиболее живо и привлекательно. Поскольку такое случалось практически постоянно, объяснить его случайностью было бы нелепо. Артём подумал о том, что некие высшие силы не просто помогают ему во время съёмки улавливать самые удачные моменты, но и сами эти моменты создают.

Но вот результаты семейной фотосессии закончились, и плоскость монитора заполнил портрет Риты, переходящей дорогу рядом с тем местом, где им всем троим когда-то довелось работать. Появление этого изображения оказалось настолько неожиданным, что и хозяйка, и гость замерли на пару секунд.

– Ты встречался с Ритой? – спросила Катя.

– Нет, – ответил Артём. – Сфотал исподтишка.

– Чего так?

Он пожал плечами.

– Не знаю. Струсил, наверное. Решил, что не готов ещё.

– Я бы на твоём месте слишком долго не готовился, – сказал Максим. – Неровен час, уведут Ритулю.

Окунев согласно покачал головой.

– Могут, Макс. Запросто могут. Какой-то хлюст уже крутился возле неё. Но я пока не могу решиться. Вы уверены, что она захочет со мной разговаривать?

– Этого я не знаю, – сказала Катя. – Но я знаю другое: Рита никогда никого так не любила, как тебя.

Артём не ответил, и Максим поспешил переменить тему.

– Давайте глянем дальше.

Далее они увидели ещё две фотографии Риты. На этом содержание карты памяти закончилось.

– А где другие снимки? – спросил Залесов.

– Других нет. Это всё, что я успел снять. Аппарат почти месяц пролежал без дела.

– Почему?

– Так получилось. Настроения не было.

– Да, настроение – штука капризная. Надо с ним считаться, – прокомментировал Максим со скрытой издёвкой. – Надеюсь, теперь оно изменилось, и больше этому чуду без дела лежать не придётся. Нельзя, чтобы такая техника пролёживала.

Окунев хорошо понимал чувства своего друга-фотографа. Нет, Максим вовсе не завидовал. Это гадкое качество было ему совершенно не свойственно. Скорее даже наоборот: он радовался за друга, имевшего возможность обзавестись такой отличной техникой. И, наверное, был огорчён тем, что сам не имел такой возможности.

Артём принял решение.

– А это уже зависит не от меня, – сказал он. – Теперь это «чудо» – твоё.

Хозяева от неожиданности замерли, затем озадаченно переглянулись.

– Ты шутишь? – с трудом выдавил из себя Максим.

– Какие могут быть шутки? Всё очень просто, Макс, – Артём старался говорить как можно мягче. – Ты очень хороший человек. Мне всегда хотелось сделать для тебя что-то необычное, доброе, радостное. Не от показного великодушия, а от чистого сердца. Сейчас мне представилась такая возможность, и я не хочу её упускать. Поэтому прошу: прими мой подарок, если не хочешь обидеть старого друга.

– Как же так, Артём? – робко возразила Катя. – Ведь это твой рабочий инструмент. Ты отдаёшь такую дорогую вещь, а что потом будешь делать сам?

– Рабочий инструмент мне предоставил хозяин студии, – успокоил её Артём. – Там установлен аппарат почти в три раза дороже этого и в десять раз безобразней. Мой шеф зарабатывает на красоте, но мало в ней смыслит. А для личных целей я куплю себе другой, – Окунев хитро улыбнулся. – Помните, как меня когда-то назвала Оля Павлова?

– Как же! – откликнулся Максим. – Конечно, помню: Патриарх Никон.

– Вот именно! Я решил больше не изменять своему клану. Ну что, друзья мои, будем считать, что консенсус достигнут. Осталось провести церемонию вручения.

Мужчины поднялись. Артём взял в руки фотоаппарат, футляр к нему, вынул из сумки зарядное устройство и всё это торжественно вручил своему товарищу.

– Ну что сказать? – расчувствовался Максим. – Благодарю тебя, брат! От всей души благодарю! Я ведь всегда мечтал о профессиональной технике. С Катюшей не один раз говорили об этом, обсуждали наши возможности, да всё никак у нас концы с концами не сходились. А ты приехал и осуществил мою мечту. Дай-ка обниму тебя!

Они заключили друг друга в крепкие объятия. А женщины, включая маленькую Олю, смотрели на них и улыбались.

* * *

Банька на дровах была жаркой, но лёгкой. Два товарища поочерёдно хлестали друг друга берёзовыми вениками, а потом переводили дух в предбаннике, попивая кислый домашний квас. Во время очередного перерыва Максим поделился своими планами.

– Есть у меня задумка, – сказал он. – Хочу здесь, в Голоустном, организовать кружок фотолобителей. Ребятишек привлечь. Думаю, что найдутся желающие. Как смотришь на эту затею?

– Положительно, – ответил Артём. – Фотография – наука серьёзная. Сейчас многим кажется, что нет ничего проще: нажал кнопку – и готово. Видеть и понимать красоту не каждый способен. Одним это дано от рождения. Другие стремятся к этому, учатся и со временем приобретают такую возможность. Третьих сколько ни учи, они так и останутся неспособными отличить прекрасное от безобразного. Человека надо приобщать не только к тонкостям ремесла, но и к культуре искусства. Чтобы к вопросу «что снимать?» он всегда добавлял ещё два: «как снимать?» и «зачем снимать?».

– Верно! Очень правильно сказано. Я всё же надеюсь, что в достаточной мере умею понимать красоту, чтобы учить этому других. Про тебя и говорить нечего – такому тонкому чутью можно только позавидовать.

Артём медленно помотал головой, грустно улыбаясь.

– Если бы ты знал, Макс, с каким дерьмом мне теперь приходится иметь дело. Я всегда знал, что на свете полно психопатов и извращенцев. Но, как выяснилось, немалое число представителей этой человеческой мерзости обладает сказочным богатством. Они готовы платить большие деньги – нет, не за красоту, а за то, что уродливо и безобразно. Главное для них, чтобы это безобразие было оригинальным и помечено престижным символом.

Максим внимательно смотрел на него, вслушиваясь в каждое слово.

– Кажется, я догадываюсь, о чём речь. Ты имеешь в виду порнографию?

– Да.

– И поэтому решил вернуться?

– Это главная причина. Но я не уверен на сто процентов, что у меня получится.

– Что мешает?

– В принципе, ничто не мешает. Просто порой на душе неспокойно. В настоящее время моя работа приносит мне большие деньги. По нашим с тобой меркам – огромные. Если предположить, что мой шеф имеет на этом несравнимо больше – захочет он меня отпускать?

– Да, Тёмка... – задумчиво проговорил Максим. – Я тебя понимаю. Мне бы тоже не хотелось этим заниматься. Но, судя по всему, твои опасения имеют под собой основание. Такая деятельность наверняка связана с криминалом. Постарайся прощупать почву, а потом уже принимай решение. Потерпи немного.

– Потерпеть, конечно, можно, – Артём тяжело вздохнул. – Видишь ли, Макс: Паша Меллер, говоря его же языком, постепенно «раздвигает горизонты». Мы с ним начали с обычных женских портретов. Затем перешли на эротику. Теперь приступили к порно. Что последует за этим, нетрудно представить.

– Да уж, – пробормотал Максим. – Коли так, то дело дрянь. Но ты не отчаивайся. Если сильно прижмёт, приезжай сюда. Здесь он тебя вряд ли найдёт. Первое время поживёшь у нас, а там, глядишь, что-нибудь сообразим. Лады?

– Будем надеяться, что всё обойдётся, – уклончиво ответил Артём. – А тебе спасибо за готовность помочь! Я всегда был уверен, что могу на тебя рассчитывать.

Предложение Максима его глубоко тронуло. Но он понимал, что никогда им не воспользуется. Подвергать риску семью с маленькими детьми – это уже слишком. Артём попросил друга держать их разговор в секрете, и больше они этой темы не касались. Сделав ещё несколько заходов в парную, вернулись в дом красные, словно варёные раки.

Вечером все вместе сидели за столом, пили чай и разговаривали. Маленькая Оля расположилась на коленях у матери, прижавшись головой к её груди, и поглядывала на взрослых карими глазёнками. Маша, сидя рядом с отцом, слушала разговоры старших, но даже не пыталась вставить слово или как-то иначе привлечь к себе внимание. Было видно, что воспитанию дочерей родители уделяли должное внимание.

Артём чувствовал себя легко и уютно в этой тёплой домашней обстановке. И в то же время его душа наполнялась грустью. Греясь у чужого очага, он понимал, что сам лишил себя такого простого человеческого счастья. Катя тем временем как-то странно поглядывала на него и, казалось, была немного смущена. Артём подумал, что она всё ещё смущается из-за дорогого подарка. Но Максим заподозрил что-то иное.

– Что случилось, моя хорошая? – спросил он строгим голосом. – Ну-ка, выкладывай начистоту.

– Вы, наверное, станете меня ругать, – сказала она, потупив взор, и, собравшись с духом, призналась: – В общем, пока вы парились, я позвонила Рите и сказала ей про Артёма, – Катя подняла глаза на гостя. – Она согласна с тобой встретиться.

Повисла долгая пауза, которую нарушил Максим:

– Вот что я скажу, друзья мои. Меня всегда возмущает, когда без спроса суют нос в чужие дела. Однако на этот раз я полностью одобряю Катин поступок.

Катя вопросительно смотрела на Артёма.

– Ты правильно поступила, – ответил он на её немой вопрос. – Сам бы я мог так и не решиться.

После чаепития хозяйка увела ребятишек, чтобы уложить их в постель. А два друга-фотографа ещё долго сидели за столом, обсуждая свои личные и профессиональные дела. Спать легли далеко за полночь.

Утром семья Залесовых в полном составе проводила гостя до автобусной остановки.

5. Сюрпризы

В кафе «Маргаритка» они любили бывать прежде, когда вместе жили в Иркутске. Артёму оно приглянулось, главным образом, из-за названия, а Рите просто понравилось своим уютом. И сейчас, как в прежние времена, Артём сидел за столиком напротив Риты и неотрывно смотрел на неё. Почти два года назад они расстались и с тех пор больше не общались. А увидеть её Артёму довелось лишь недавно и совсем коротко – даже меньше минуты.

– Ну, чего разглядываешь? – спросила она. – Сильно изменилась?

Больших изменений в ней Артём не увидел. Разве что две складки, которых прежде не было, едва заметно проглядывали на лице. Но они её ничуть не портили, как не портил её и скромный наряд. На ней был простой коричневый свитерок, на который сверху мягко ложились густые волосы пепельного цвета. И хотя Рита не принадлежала к числу писанных красавиц, вроде Карины или Анжелики, Окунев не мог наглядеться на неё. Она была красива той необъяснимой красотой, которую не понимали, не понимают, и вряд ли когда-нибудь поймут люди типа Паши Меллера.

– Изменилась, – ответил Артём на её вопрос. – Но исключительно в лучшую сторону.

– И где эта лучшая сторона?

– Ты же знаешь: я не умею объяснять словами. Мне проще показать.

Рита улыбнулась – грустно и светло. Примерно после такой же фразы между ними когда-то протянулась первая ниточка. И вот теперь знакомые слова коснулись души.

– Как же ты будешь показывать? – спросила она своим необыкновенным мягким голосом, от которого у Артёма всегда захватывало дух. – Здесь нет настольных ламп.

– У меня и фотоаппарата нет, – сказал он. – Даже и не знаю, как быть теперь.

– Артём! – Рита внимательно посмотрела ему в глаза. – Мне кажется, недавно я тебя видела. Разглядеть не удалось – увидела мельком, а на дворе уже смеркалось. Но у меня вдруг кольнуло сердце. Скажи: ведь это был ты?

– Да.

– Значит, ты видел меня?

– Да. Я специально приехал, чтобы тебя увидеть и сфотографировать своим новым «Олимпусом».

– Почему же не подошёл?

– Не хватило смелости, – признался он. – А ещё немного раньше я звонил тебе, но заговорить также не на смелился.

– Ты стал таким робким?

Артём развёл руками.

– Как видишь.

Они немного помолчали.

– Где же теперь твой новый «Олимпус»? – задала очередной вопрос Рита.

– Я подарил его Максиму Залесову, – ответил Артём. – Буквально вчера.

Рита смотрела на бывшего мужа с мягкой, доброй улыбкой.

– Я не сомневаюсь: ты подарил ему хороший дорогой фотоаппарат.

– Просто шикарный!

– И, конечно же, очень-очень красивый.

– Это непременно.

Они негромко засмеялись.

– Почему не кушаешь? – спросил Артём. – Ты же всегда любила это пирожное.

– Я совсем про него забыла, – призналась она. – Сейчас исправлюсь.

Когда с десертом было покончено, Окунев сказал:

– Рита, если помнишь, я отдал отцу свой первый «Никон». Надеюсь, что аппарат всё ещё в исправном состоянии. Предлагаю поехать к моим родителям и там провести сеанс фотосъёмки.

Рита пристально посмотрела на него.

– Ну да, конечно. Я совсем забыла, с кем имею дело. Ты же в первую очередь фотограф, а уж потом всё остальное.

Артём смутился.

– Это всего лишь повод. Просто я не придумал ничего умнее. Хочу побыть с тобой подольше. Да и родителям будет приятно увидеть нас вместе.

– Я знаю, – ответила она, и улыбка осветила её лицо. – Твои мама и папа меня очень любят.

– Они тебя обожают.

Рита немного подумала и решилась.

– Я согласна. Едем!

* * *

Артём трижды нажал на кнопку дверного звонка. За дверью послышались шаги, затем скрипнул механизм замка. Валентина Сергеевна распахнула дверь и на пару секунд лишилась дара речи.

– Саша! Саша! – закричала она, придя в себя. – Иди сюда! К нам гости.

Александр Михайлович выглянул в прихожую – и произошло чудо. Тучи на его лице мгновенно рассеялись, и оно засияло, словно весеннее солнце.

– Ах, вы мои золотые! – воскликнул он. – Ах, вы мои хорошие! Добро пожаловать к нам! Давай-ка, дочка, повешу твою курточку. Вот так! А теперь проходите, проходите, будьте как дома.

Валентина Сергеевна стала торопливо накрывать на стол, приговаривая:

– Давно ты, Риточка, к нам не заглядывала. Мы уже успели соскучиться. И очень, очень рады видеть вас вместе – тебя и Тёмочку.

Рита вымыла руки и стала помогать хозяйке. Вдвоём они быстро справились. Потом дружно расположились за столом, ведя оживлённые беседы. И если поведение матери изменилось не слишком заметно, то отца Артём с трудом узнавал. Александр Михайлович стал предельно вежлив и предупредителен не только с гостьей, но и с сыном.

После застолья Артём предложил сфотографироваться всем вместе и спросил про старый «Никон». Отец без лишних слов принёс фотоаппарат и штатив. И вновь фотограф-профессионал погрузился в свою стихию. Он снимал близких людей поодиночке и вместе, применяя известные лишь ему одному ухищрения, подсказанные знаниями, опытом и, главным образом, интуицией. А напоследок сделал несколько снимков в полном составе в режиме автоспуска.

Как-то незаметно наступил вечер. Рита сказала, что ей пора домой, и Артём вызвался проводить её. Они шли по заснеженному городу и разговаривали как в те не слишком далёкие времена. Казалось, что все неприятности остались позади, жизнь налаживалась, обещая вернуть влюблённым счастье, утраченное по глупости одного из них. Но Артёму надо было кое-что прояснить для себя, и он не знал, как начать этот разговор. Для начала осторожно сказал:

– Рита, мне необходимо задать тебе один вопрос.

– Спрашивай, – отозвалась она.

– Он тебе может не понравиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.